

20 Марта.

№ 9-й

1907 года.

ПОЛТАВСКІЯ

Єпархіальныя Вѣдомости.

ЧАСТЬ ОФИЦІАЛЬНАЯ

ВЫХОДЯТЬ ТРИ РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ.

Цѣна годовому изданію, съ доставкой и пересылкой, 6 руб.

Адресъ редакціи: г. Полтава, Полтавская духовная семинарія

I.

Архіерейскія служенія.

Его Преосвященствомъ, Преосвященнѣйшимъ Іоанномъ Епископомъ Полтавскимъ и Переяславскимъ, совершены слѣдующія Богослуженія:

3 марта, суббота, совершена Божественная литургія въ крестовой церкви Полтавскаго архіерейскаго дома, на которой рукоположенъ въ санъ іеромонаха іеродіаконъ Лубенскаго Спасо-Преображенскаго монастыря Софроній; послѣ литургіи отслужено молебствіе съ акаѳистомъ Божіей Матери.

4 марта, воскресенье, совершена Божественная литургія въ Полтавскомъ кафедральномъ Успенскомъ соборѣ; послѣ литургіи отслужено молебствіе.

7 марта, среда, совершена преждеосвященная литургія въ томъ же соборѣ.

9 марта, пятница, совершена преждеосвященная литургія въ крестовой церкви Полтавскаго архіерейскаго дома.

10 марта, суббота, совершена Божественная литургія въ томъ же архіерейскомъ домѣ, на которой рукоположенъ въ санъ іеромонаха іеродіаконъ того же архіерейскаго дома Никодимъ.

11 марта, воскресенье, совершена Божественная литургія въ Полтавскомъ кафедральномъ Успенскомъ соборѣ; послѣ литургіи Преосвященными Епископами Іоанномъ и Θεодосіемъ отслужено послѣдованіе чина Православія.

Его Преосвященствомъ, Преосвященнѣйшимъ Θεодосіемъ Епископомъ Прилукскимъ совершены слѣдующія Богослуженія въ Полтавскомъ Крестовоздвиженскомъ монастырѣ:

25 февраля, воскресенье, совершена Божественная литургія, на которой рукоположенъ въ діакона псаломщикъ Успенской церкви с. Яблонова, Лубенскаго уѣзда, Іоаннъ Рубанъ; послѣ литургіи отслужено молебствіе.

3, 4, 7, 9, 10 и 11 марта, Преосвященнымъ Θεодосіемъ совершены тѣже Богослуженія, что и Преосвященнымъ епископомъ Іоанномъ.

II.

Распоряженія Епархіального Начальства.

Предоставлено священническое мѣсто 26 февраля. *діакону* Соборной Успенской церкви города Хорола Алексію *Донисіеву* при Всесвятской церкви села Симіоновки, Хорольскаго уѣзда.

Назначены: 27 февраля заштатный священникъ Троицкой церкви с. Барышевки, Переяславскаго уѣзда, Іосифъ *Верховскій* къ Покровской церкви с. Помокель, того же уѣзда, на 2-е мѣсто; 6 марта заштатный священникъ Вознесенской церкви г. Ромень Григорій *Стефановскій* къ Покровской церкви того же города, для совершения Богослуженія и требъ временно.

Опредѣлены и. д. псаломщика: 25 февраля пономарь Николаевской церкви м. Царичанки, Кобелякскаго уѣзда Евстафій *Мащенко* къ Николаевской церкви с. Дашенюкъ, Лохвицкаго уѣзда; 27 февраля заштатный псаломщикъ Іоаннъ

Неутріевскій къ Троицкой церкви с. Денись, Переяславскаго уѣзда; сынъ псаломщика Александръ *Лабунскій* къ Захаріе-Елисаветинской церкви с. Песчаного, Полтавскаго уѣзда, на 2-е мѣсто; 28 февраля заштатный псаломщикъ Успенской церкви с. Холминецъ, Роменскаго уѣзда, Владимиръ *Ткаченко* къ Петро-Павловской церкви с. Тимокъ, Лубенскаго уѣзда; и. д. псаломщика Николаевской церкви м. Омельника, Кременчугскаго уѣзда, Михаилъ *Драчъ* къ той же церкви; козакъ Афанасій *Ярошенко* къ Георгіевской церкви с. Шкурупиевыхъ хуторовъ, Полтавскаго уѣзда; бывший псаломщикъ Христо-Рождественской церкви м. Рашевки, Гадячскаго уѣзда, Василій *Өдоренко* къ Михайловской церкви с. Бруссіи, Полтавскаго уѣзда.

Перемѣщены: 27 февраля *священники:* Иоанно-Богословской церкви Красногорскаго женскаго монастыря, Золотоношскаго уѣзда, Ѳеодоръ *Житецкій* къ Михайловской церкви м. Борисполя, Переяславскаго уѣзда; 2-й священникъ Р.-Богородичной церкви с. Ряшекъ, Прилукскаго уѣзда, Петръ *Смирницкій* къ той же церкви на 1-е мѣсто; Покровской церкви с. Помокель, Переяславскаго уѣзда, Николай *Максимовичъ* къ церкви с. Ряшекъ на 2-е мѣсто; Покровской церкви г. Ромень, Ѳеодоръ *Мировичъ* къ Николаевской церкви того же города; 28 февраля Михайловской церкви с. Ковалей, Хорольскаго уѣзда, Алексѣй *Волковъ* и Вознесенской церкви, с. Новой-Аврамовки, того же у., Григорій *Клепачевскій* одинъ на мѣсто другого; церкви с. Великаго-Перевоза, Миргородскаго уѣзда, Митрофанъ *Черняшевскій* къ соборной Успенской церкви г. Хорола, на 2-е священническое мѣсто; *діаконъ* соборной Успенской церкви г. Миргорода Ѳеодоръ *Дамаскинъ* къ соборной Успенской церкви г. Хорола на діаконское мѣсто; *псаломщики:* Р.-Богородичной церкви с. Погребовъ, Прилукскаго уѣзда, Александръ *Колядинскій* къ Троицкой церкви, с. Заплавки, Константиноградскаго уѣзда; Иоакимо-Аннинской церкви с. Чутовки, Лубенскаго уѣзда, Стефанъ *Шавловскій* къ Христо-Рождественской церкви с. Новаго-Иржавца, того же уѣзда, для пользы службы; 5 марта Михайловской церкви с. Волчка того же уѣзда, Григорій *Пономаренко* къ Троицкой церкви с. Коврая, Золотоношскаго уѣзда Р.-Богородичной церкви м. Богачки, Миргородскаго уѣзда, Василій *Скитскій* къ Вознесенской церкви с. Камьнки, Полтавскаго уѣзда, Воз-

несенской церкви, с. Кохановки, Константиноградскаго уѣзда, Петръ *Богдановскій* къ Иоанно-Предтечинской церкви с. Хелепцовъ, Лубенскаго уѣзда; 2-й псаломщикъ Николаевской церкви с. Мацковецъ, того же уѣзда, Николай *Билнскій* къ той же церкви на 1-е мѣсто; Троицкой церкви с. Денисъ, Переяславскаго уѣзда, Иоаннъ *Рашкевичъ* къ Преображенской церкви с. Черняковки, Пирятинскаго у.; церкви с. Черняковки Іаковъ *Баневскій* къ Успенской ц. с. Малой-Селецкой, Лубенскаго уѣзда; Преображенской ц. с. Еремѣвки, Золотоношскаго уѣзда, Стефанъ *Россинскій* къ Димитріевской церкви с. Бѣлуховки, Константиноградскаго у.; Николаевской церкви с. Еремѣвки, Золотоношскаго уѣзда Иоаннъ *Малиновскій* къ Христо-Рождественской церкви м. Вороньковъ, Лохвицкаго у., на 1-е мѣсто; 2-й псаломщикъ Захаріе-Елисаветинской ц. с. Песчаного, Полтавскаго уѣзда Анатолій *Златоустовъ* къ той же церкви на 1-е мѣсто; Р.-Богородичной ц. с. Карпиловки, Прилукскаго у., Иоаннъ *Крмянскій* къ Николаевской ц. с. Войтова, Переяславскаго у., на первое мѣсто.

Утверждены въ должностяхъ: 23 февраля священники: Троицкой ц. с. Михновки, Константиноградскаго у., Сергей *Ельчукъ* законоучителемъ Куликовскаго народнаго училища, на мѣсто Федора *Легейды*; 26 февраля ц. с. Ковалей, Лохвицкаго у., Георгій *Андриѣвскій* законоучителемъ Чернуховскаго 2 класн. училища, на мѣсто Владимира *Роговенко*; Покровской ц. с. Березоточи, Лубенскаго у., Василій *Савченко* духовникомъ, по вѣдомству благочиннаго священника Іоанна Зубковскаго; 28 февраля Михайловской ц. г. Переяслава Евѣимій *Верещакинъ* законоучителемъ мѣстнаго народнаго училища; 1 марта іеромонахъ Переяславскаго Вознесенскаго монастыря *Ювъ* духовникомъ братіи монастыря; псаломщикъ Михайловской церкви, с. Охонекъ, Прилукскаго у., Аванасій *Трощина* бібліотекаремъ мѣстной безплатной бібліотеки; 23 февраля учительница Ивано-Кривичанскаго народнаго училища, Кобелякскаго у., окончившая курсъ Полтавскаго епархіальнаго училища Наталія *Навроукал* преподавательницею Закона Божія въ томъ же училищѣ; учительница Нестеровскаго народнаго училища прихода м. Борисполь, Переяславскаго у., окончившая курсъ Черниговскаго епархіальнаго женскаго училища Екатерина *Корсаковичъ* преподавательницею Зако-

на Божія въ томъ же училищѣ; 24 февраля священникъ Николаевской ц. с. Свѣчковки, Пирятинскаго у., Петръ *Демяновскій* духовникомъ по вѣдомству благочиннаго священника Григорія *Вилнискаго*.

Отрѣшенъ отъ занимаемаго мѣста 17 февраля священникъ Покровской ц. с. Великаго-Перевоза, Миргородскаго у., Дмитрій *Кремьянскій* съ пизведеніемъ въ причетники до раскаянія и исправленія и опредѣленіемъ на 2-е псаломщическое мѣсто въ Николаевской ц. с. Борокъ, Гадячскаго у.

Уволены отъ занимаемыхъ должностей согласно прошенію: 5 марта псаломщики Преображенской ц. с. Черевокъ Миргородскаго у., Аванасій *Продьма*; 1 марта псаломщикъ Петро-Павловской ц. с. Тимокъ, Лубенскаго у., Іоаннъ *Никитенко*; священникъ Николаевской ц. м. Иванцы, Прилукскаго у., Андрей *Марченко* отъ должности члена благочинническаго совѣта.

Уволенъ въ заштатъ согласно прошенію 26 февраля священникъ Николаевской ц. г. Ромень Даніиль *Италинскій*.

Умершіе исключаются изъ списковъ: 1 февраля священникъ Покровской ц. с. Кантакузовки, Пирятинскаго уѣзда, Леонидъ *Кириевъ*; 10 февраля заштатный псаломщикъ Свято-Духовской ц. с. Тепловки, Пирятинскаго у., Николай *Андревскій*; 1 марта священникъ Покровской ц. с. Жуковъ Кременчугскаго у., Владиміръ *Заборскій*; 5 февраля заштатный священникъ Р.-Богородичной ц. м. Богачки, Миргородскаго у., Николай *Жидько-Базилевичъ*; 2 марта псаломщикъ Успенской ц. с. Мелеховъ, Лохвицкаго у., Дмитрій *Постовойтовъ*; 13 марта протодіаконъ Полтавскаго кафедральнаго собора Даніиль *Гайдамакинъ*.

III.

Извѣстія и объявленія.

О просвѣщенныхъ святымъ крещеніемъ.

Просвѣщены св. крещеніемъ изъ евреевъ 8-го октября 1906 года мѣщанка города Кіева Риза Волькова *Граць*, 37 лѣтъ, священникомъ Николаевской церкви с. Митлашевки, Золотоношскаго уѣзда, Алексіемъ *Диплякимъ*, съ нареченіемъ имени

„Вѣра“, при воспріемникахъ: козакѣ Онисимѣ Павловѣ Чаломѣ и мѣщанкѣ Клавдіи Львовнѣ Скупинской; 18-го февраля Полтавская мѣщанка Сима Герибериъ, 16 лѣтъ, священникомъ Николаевской церкви хуторовъ Горишніе-Плавни, Кременчугскаго уѣзда, Павломъ Иваненко, съ нареченіемъ имени „Анна“, при воспріемникахъ, козакѣ Іоаннѣ Корнилевѣ Кормилецѣ и козачкѣ Густинѣ Онисимовнѣ Бабенко.

О сборныхъ книгахъ.

Полтавскою Духовною Консисторіею выданы сборныя книги для сбора пожертвованій въ предѣлахъ Полтавской епархіи срокомъ на одинъ годъ:

а) 1907 года февраля 24-го дня выдана сборная книга за № 4076, на имя козака Петра Өомина Дзибана въ пользу Ново-Успенской церкви с. Кропивны, Золотоношскаго уѣзда.

б) 1907 года марта 5-го дня выдана сборная книга за № 5327, на имя крестьянина Іоанна Григоріева Корецкаго на постройку новой каменной колокольни, въ деревнѣ Парасковѣвкѣ. Полтавскаго уѣзда.

в) 1907 года марта 7-го дня выдана сборная книга за № 5437, на имя крестьянина Леонтія Кущенко на постройку церкви въ деревнѣ Березнякахъ, Роменскаго уѣзда.

г) 1907 года марта 7-го дня выдана сборная книга за № 5449, на имя козака Емельяна Саввина Блюзника въ пользу Крестовозвиженской церкви села Подставокъ, Гадячскаго уѣзда.

Комиссія по пріисканію занятій для членовъ общества учителей рисованія въ С.-Петербургѣ 1-го марта 1907 года обратилась къ Его Преосвященству, Преосвященнѣйшему Іоанну, Епископу Полтавскому и Переяславскому съ письмомъ слѣдующаго содержанія:

С.-Петербургское Общество учителей рисованія, зная о тѣхъ затрудненіяхъ, въ какія бываютъ нерѣдко поставлены духовныя лица, на попеченіи которыхъ находятся храмы, въ

тѣхъ случаяхъ, когда возникаетъ вопросъ объ украшеніи этихъ храмовъ живописью и уборкѣ ихъ орнаментомъ, обращается къ Вашему просвѣщенному вниманію съ всепокорнѣйшей просьбой не отказать въ указаніи на упомянутое Общество о.о. Настоятелямъ церквей ввѣренной Вашему Преосвященству Епархіи.

Общество учителей рисованія организовало приѣмъ художественныхъ заказовъ съ единственной цѣлью помощи нуждающимся въ работѣ товарищамъ и потому цѣны назначаются минимальныя и устанавливаются Комиссіей по пріисканію занятій, служащей исполнительнымъ органомъ. Юридическую же отвѣтственность въ добросовѣстности исполненія заказовъ несетъ само Общество.

На письмѣ этомъ послѣдовала слѣдующая резолюція Его Преосвященства: „7-го марта 1907 г. Для освѣдомленія духовенства Полтавской епархіи напечатать извѣщеніе въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“.

Адресъ Комиссіи: Спб. Гагаринская ул., д. № 12, кв. 25.
А. К. Воскресенскій.

Отъ комиссіи по подготовкѣ и разработкѣ вопросовъ, подлежащихъ обсужденію на епархіальномъ съѣздѣ:

Засѣданіе комиссіи по подготовкѣ и разработкѣ вопросовъ, подлежащихъ обсужденію на епархіальномъ съѣздѣ назначено на 27 марта, въ 6 ч. вечера, въ домѣ епархіальнаго духовенства.

Къ участію въ засѣданіи комиссіи, согласно постановленію прошлаго епархіальнаго съѣзда, приглашаются всѣ желающіе изъ лицъ сельскаго и иногородняго духовенства.

Замѣченныя опечатки въ журналахъ о.о. уполномоченныхъ Полтавскаго училищнаго округа (П. Е. В. № 6, ч. оф.).

Стр. 117, строка 19 сверху напечатано: „двунадесятый праздники“, сл. чит. „двунадесятые праздники“. На той же

стр. строка 27 напечатано „по ст. 9“, сл. чит. „по ст. 6“. Стр. 121 строки 1-4 снизу слѣдуетъ читать такъ: „Изъ представленнаго Правленіемъ училища списка учениковъ, за которыми числится долгъ, видно, что за нимъ (г. Воблымъ) значится лишь 8 рублей, каковой и *поставили* сложить со счетовъ“. Стр. 122, строка 9 снизу напечатано „матеріальную необходимость“ слѣд. чит. „матеріальную необеспеченность“ Стр. 130, строка 6 снизу слѣд. чит. „о ненормальномъ положеніи“.... Стр. 137, строка 5 снизу. Напечатано: „открытія“, сл. чит. „покрытія“.

СОДЕРЖАНІЕ:—I. Архіерейскія служенія.—II. Распоряженія Епархіальнаго Начальства.—III. Извѣстія и объявленія.

Редакторъ офіціальной части, протоіерей Н. Ураловъ

Печ. съ разр. мѣстн. духовн. цензуры, 20 Марта 1907 г.

Полтава, Типо-Литогр. Т. Д. «Л. Фришбергъ»

20 Марта.

№ 9.

1907 года.

ПОЛТАВСКІЯ

Епархіальныя Вѣдомости.

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ.

Въ память русскихъ воиновъ, умершихъ въ далекой Японіи.

Отъѣзжая въ Японію, и разставаясь съ Отечествомъ, считаю своимъ долгомъ напомнить всеѣмъ Русскимъ людямъ о дорогихъ и родныхъ намъ могилкахъ нашихъ воиновъ, скончавшихся въ плѣну въ Японіи во время войны.

Мало радости и утѣшенія, напротивъ, много бѣды и невзгодъ видѣли они на полѣ брани, перенося голодъ и холодъ, страдая часто отъ ранъ и болѣзней, пребывая въ постоянномъ ожиданіи возможности близкой смерти. Но и при смерти они не имѣли утѣшенія умереть среди своихъ родныхъ, друзей и знакомыхъ, такъ, чтобы родныя руки закрыли имъ смежающіеся смертнымъ сномъ глаза. Умерли они среди чужихъ, и кости свои сложили далеко отъ родины, въ чужой землѣ.

Да и теперь ихъ могилы не освѣняетъ радостный и примиряющій свѣтъ Креста Христова съ храма Божія, ибо вблизи ихъ и храма нѣтъ. И никто изъ своихъ не придетъ на ихъ сиротливыя могилы помолиться объ упокоеніи душъ усопшихъ воиновъ въ обычные у насъ поминальные дни, ибо нѣтъ тамъ своихъ родныхъ и друзей, а все чужіе. Никто ихъ тамъ не вспомнить, какъ заброшенныхъ на чужой сторонѣ.

Добрые Русскіе люди! Нашъ общій долгъ—по возможности успокоить духъ нашихъ усопшихъ воиновъ доброю памятью о нихъ.

Какъ это сдѣлать? Въ Японіи теперь насчитывается до 30,000 православныхъ Японцевъ, обратившихся въ христіанство за время 46-лѣтняго пребыванія тамъ и нынѣ здравствующаго 70-лѣтняго старца, знаменитаго японскаго архіепископа Николая. Есть православные японцы и тамъ, гдѣ жили наши плѣнники. Японскіе священники доставляли имъ по своимъ силамъ всякое духовное утѣшеніе и совершали у нихъ богослуженіе.

Черезъ газеты, письмами и лично я и приглашаю Русскихъ людей помочь мнѣ въ память усопшихъ нашихъ военновъ устроить въ Японіи деревянные храмы въ гор. Оосака и гор. Мацуяма, гдѣ жили наши плѣнники. Въ этихъ храмахъ будутъ молиться объ усопшихъ единовѣрные православные японцы. Такъ мы сотворимъ память объ умершихъ, а вмѣстѣ посодѣйствуемъ и умноженію вѣры Христовой въ Японіи: видя вашу любовь къ храмамъ и къ умершимъ, и японцы-язычники придутъ къ церкви.

Всего на оба храма нужно тысячъ двадцать рублей.

Пожертвованія уже поступаютъ, дѣло начато; чѣмъ скорѣе отзовутся добрые люди, тѣмъ скорѣе все будетъ сдѣлано до конца. Пусть никто не стѣсняется малыми жертвами, пусть въ такомъ случаѣ собираютъ жертвы вмѣстѣ съ другими и пересылаютъ по нижеуказанному адресу.

Не на себя проку я и унижаюсь въ своихъ просьбахъ. Прошу на общее христіанское и родное русское дѣло. Поэтому, не откажите Самому Богу, мною грѣшнымъ вамъ предлагающему доброе дѣло (Матѣ. 10, 40—42), чтобы и Господь отъ васъ не отказался, а напротивъ принялъ вашу посильную жертву и милость, какъ бы Ему Самому, по Его же собственному слову въ Евангеліи (Матѣ. 25, 34—46).

Пожертвованія можно направлять: Петербургъ, Михайловскій Инженерный Замокъ, по Садовой улицѣ, протоіерею Ѳеодору Николаевичу Быстрову, или же: Петербургъ, Фонтанка, Крестовоздвиженской Общины сестеръ милосердія протоіерею Александрю Петровичу Васильеву.

Сердечно благодарю всѣхъ добрыхъ людей, которые уже отозвались на мой призывъ и принесли мнѣ свои лепты на построеніе храмовъ въ Японіи. Именемъ Божиимъ прошу и ихъ, и всѣхъ Русскихъ людей не оставить и впредь безъ

вниманія начатаго добраго дѣла, да и мы въ чужой странѣ, по слову св. апостола, *съ радостію творимъ дѣло проповѣди о Христѣ невѣрующимъ, а не въздыхающе, нѣсть бо полезно сіе.*

Андроникъ, епископъ Кіотскій (въ Японіи).

О чемъ говорятъ наши реформы.

Мы у порога реформъ,—реформъ гражданскихъ и церковныхъ. Уже былъ опытъ, хотя и неудачный, дѣйствія новаго государственнаго учрежденія. Скоро, можетъ быть, начнутся работы и церковнаго собора. Мысль русскаго челоука работаетъ усиленно...

Сбросивъ страхъ раба, почувствовавъ себя хозяевами страны, все занялись общимъ дѣломъ; всякій мало-мальски мыслящій гражданинъ носитъ въ головѣ своей преобразовательные планы. И нѣтъ сомнѣній, что почти все, за исключеніемъ небольшой горсти разрушителей всей вселенной, преисполнены благопожеланій и надеждъ на то, что „хуже не будетъ“. Дай Богъ, чтобы эти ожиданія оправдались. Нѣтъ хуже разочарованій, вносящихъ разладъ въ жизнь челоука и государства. Тѣ страданія, которыя переноситъ страна, должны бы окупиться выгодами будущаго положенія.

Но будущее—такъ невѣдомо! Одно несомнѣнно, что мы наканунѣ перелома нашей жизни. А пока, въ предначатіи подготовительныхъ работъ къ государственному творчеству, — подобно хозяину-домостроителю, въ послѣдній разъ пересматривающему планъ и матеріаль постройки, — мы стоимъ съ многочисленными программами въ рукахъ; стоимъ въ глубокомъ раздумьѣ и съ неотвязчивой мыслью не упустить чего-либо такого, что могло бы затормозить, задержать постройку, привести къ нежелательнымъ результатамъ.

Что же кладемъ мы въ основаніе нашего государственнаго зданія, каковы желанія и требованія народа?

Въ эпоху „освободительнаго движенія“ и устно, и въ печати, — въ программахъ разныхъ политическихъ партій, — русскій народъ достаточно высказался, и существующія политическія программы несомнѣнно представляютъ наибольш-

шую сумму желаній и требованій народа. Эта эпоха, ознаменованная необычайной смѣлостію и свободой „печати и языка“, явилась, такъ сказать, генеральной переписью того, что представляетъ собою въ данное время разноплеменная Россія. И если въ политическихъ программахъ и требованіяхъ народа дѣйствительно вылилась душа народная, если требованія народа—его подлинныя, неподложныя, то при всей пестротѣ духовно нравственной фізіономіи мыслящей Россіи, всѣ эти требованія и программы имѣютъ полное единство въ конечной своей цѣли: общее матеріальное благо—вотъ исходная точка всѣхъ требованій. Правда, въ числѣ другихъ требованій весьма важное мѣсто занимаетъ требованіе народнаго просвѣщенія; по наряду съ этимъ ставится и вопросъ объ исключеніи закона Божія изъ преподаваемыхъ предметовъ даже низшей школы, такъ что и народнымъ образованіемъ думаютъ обслуживать лишь матеріальную сторону, а не духовную половину человѣка.

Никто не станетъ спорить съ тѣмъ, что вопросъ о поднятій матеріальнаго блага для человѣка, пока онъ облеченъ въ тѣло, вопросъ безусловно важный: и для Россіи,—страны, почти разоренной матеріально,—онъ требуетъ скорѣйшаго разрѣшенія; но мы не можемъ не высказать опасенія: односторонняя дѣятельность человѣка и государства, исключительно направленная на удовлетвореніе матеріальныхъ нуждъ страны, не будетъ ли дѣлать самую цѣль „освободительнаго движенія“ слишкомъ одностороннею, однобокою? Можно ли вообще надѣяться на полное разрѣшеніе вопроса о поднятій и возрожденіи страны, если будетъ развиваться исключительно одна сторона внѣшняя? Вѣдь природа человѣка двоякая. Видимъ ли мы заботы о духовной сторонѣ человѣка? Правы ли думающіе, что сытый человѣкъ долженъ быть непремѣнно и нравственнымъ? Или русскіе граждане при матеріальномъ убожествѣ—нравственное совершенство? Не въ одинаковой ли мѣрѣ мы ничтожество? Или за нравственностью личности въ эпоху „переоцѣнки цѣнностей“ не приято признавать особаго значенія? Вотъ почему вдумчивому человѣку не можетъ не показаться, что во всѣхъ предположенныхъ реформахъ, во всемъ освободительномъ движеніи есть какая-то фальшь, чего-то не достаетъ, что-то упущено и весьма важное, чувствуется, что не пущенъ въ ходъ какой-то важный винтъ въ машинѣ, что отсутствіе

этого винта пока игнорируется, но дальнѣйшее игнорированіе можетъ задержать и даже приостановить самое движеніе, повести къ крупнымъ недоразумѣніямъ.

И такимъ забытымъ винтомъ въ нашемъ движеніи по справедливости нужно считать полное игнорированіе заботы о духовной сторонѣ человѣка, объ усовершенствованіи личности: ибо всѣ гражданскія реформы, касаясь лишь внѣшнихъ сторонъ жизни, не захватываютъ „внутренняго человѣка“. И намъ кажется, что такая односторонность получилась отъ того, что русское передовое общество, въ поискахъ за виновниками настоящаго положенія государства, не захотѣло считаться съ совокупностью многихъ причинъ нашихъ бѣдствій.

Въ данное время всю вину слагаютъ на бюрократію, на существующіе законы, поддерживающіе бюрократическій произволь. Но что такое бюрократія, какъ не плоть отъ нашей плоти и кость отъ нашихъ костей? Вѣдь не съ лупы же она свалилась на землю! Бюрократію создала наша духовная нищета, наша безпринципность, отсутствіе у насъ чувства долга, честности, наша невоспитанность. Сдѣлайся любой изъ насъ сановникомъ, и завтра онъ—бюрократъ. Не законы насъ дѣлаютъ преступными, а мы злоупотребляемъ законами за отсутствіемъ у насъ нравственной дисциплины. Зерно преступности не въ законахъ, а въ насъ самихъ—духовно убогихъ. Двигателемъ прогресса у всѣхъ культурныхъ народовъ пока признается не та, или иная форма жизни, а устойчивость нравственныхъ принциповъ. Вѣдь и ученія социалистическія только тѣ привлекательны, которыя въ корнѣ своемъ нравственны. Красота всякаго человѣческаго дѣла—нравственность. Въ нравственной крѣпости народа—источникъ всѣхъ его гражданскихъ доблестей. Она и есть увлекающая сила. Отсюда и лучшей гарантіей нашихъ реформъ, несомнѣнно рассчитанныхъ на духовную зрѣлость народа, можетъ быть только наличность духовныхъ силъ членовъ общества и государства, какъ-то: чувствъ гражданственности, долга, чести, правды и справедливости. Нѣтъ этихъ качествъ—сами по себѣ реформы не подвинутъ жизнь впередъ. Вѣдь еще недостаточно дать свободы, необходимо, чтобы эти дорогія начала жизни нашли въ носителяхъ ихъ подготовленную почву, чтобы имъ отвѣчала внутренняя настроенность народа; необходимое условіе, чтобы между внѣшними реформами и нашимъ духовнымъ «я»

была гармонія, чтобы внѣшнія формы жизни питались соками внутренняго человѣка. Вѣдь сколько ни давай человѣку „свободъ“, онъ не будетъ ихъ хозяиномъ, онъ не сумѣетъ управляться съ ними, если онъ не въ силахъ самоуправляться, если въ немъ не окажется данныхъ къ разумному пониманію и пользованію этими свободами. И что это правда, русское общество доказало на дѣлѣ. Во что оно обратило объявленныя свободы? Во что оно обратило, напр., свободу слова и печати, какъ не въ необузданность, „прелюбодѣяніе“ языка? Въ 3—4 мѣсяца наша печать приняла такіе размѣры литературнаго хулиганства, что потребуются цѣлыя годы для ея отрезвленія. Во что обратилась свобода союзовъ? Въ скопища преступниковъ, грабителей и убійць. Свобода совѣсти? Въ открытое поруганіе религіозной истины. Всѣ дарованныя свободы дали неслыханный, дерзкій произволь, убійства, грабежи и всякаго рода насилія. Почему? Потому, что въ новоиспеченномъ русскомъ гражданинѣ не оказалось самоуправляющей силы; въ немъ еще не возрасли, не окрѣпли ни чувство долга, ни чувство мѣры, ни чувство законности и совѣсти.

Отсюда понятно, насколько наивны тѣ, кто утверждаетъ, что стоитъ ввести новыя формы жизни государственной и общественной, и жизнь людей и сами люди обновятся; достаточно дать новые болѣе совершенные законы странѣ, и злоупотребленія исчезнутъ; достаточно дать болѣе широкое образованіе, и человѣкъ духовно и нравственно повысится. Это значитъ: дайте человѣку новый костюмъ, удобное жилище, здоровое питаніе—и онъ изъ порочнаго сдѣлается добродѣтельнымъ. Едва ли. Никакіе совершенные законы, никакое широкое образованіе не убергутъ человѣка отъ злоупотребленій и не помогутъ ему нравственно подняться, если въ немъ спитъ чувство совѣсти, не развито чувство законности. Еще вѣдь не улеглись шумъ и негодованіе общественнаго мнѣнія по поводу раскрытыхъ злоупотребленій (воровства) въ только что минувшую войну. Кто же были нарушителями законовъ? Лица сановныя, съ высшимъ образованіемъ, которыя не могутъ отзываться невѣдѣніемъ законовъ Божескихъ и человѣческихъ. 8-я заповѣдь закона Божія и въ Ветхомъ, и Новомъ Завѣтѣ, и даже по дарованіи свободъ, и для сановника и для простолюдина опредѣленно и ясно говорить: не воруй. Говорятъ: воровство

въ высшихъ сферахъ создано благодаря слабости контро-ля: усилить контроль, и воровство исчезнетъ. Нѣтъ; и во-рують не потому только, что слабы карающіе законы и контроль, но главнымъ образомъ потому, что не развито чувство законности, честности. Плоха та добродѣтель, ко-торая охраняется. Плохо воспитаннаго человѣка контроль лишь побудитъ искать болѣе утонченныхъ способовъ во-ровства, способовъ ловкаго обхода законовъ, но онъ не дастъ ему чувства законности, добропорядочности, если они не заложены въ его природу. А посему не слишкомъ ли многого ожидаемъ мы отъ реформъ? Въ правѣ ли мы вмѣ-стѣ съ матеріальнымъ благомъ ожидать отъ нихъ какого-то чуда и въ дѣлѣ нашего внутренняго возрожденія?

Внѣшнія реформы, несомнѣнно благопріятствуя нараста-нію матеріальныхъ благъ страны, для внутренняго развитія человѣка могутъ дать лишь благопріятныя условія; самое же духовное наше «я» развивается по особымъ законамъ, при непремѣнномъ условіи внутренней работы надъ самимъ собою; безъ усилій же съ нашей стороны, усилій къ ду-ховному возрожденію, однѣ внѣшнія реформы не подвинутъ насъ впередъ духовно, не внесутъ въ нашу духовную при-роду ничего новаго. Вотъ почему мы утверждаемъ, что реформы внѣшнія должны совершаться одновременно съ реформами внутренняго человѣка, совершаться гармониче-ски, восполняя одно другимъ; безъ этого тѣ или другія реформы въ отдѣльности не достигнутъ своей цѣли.

Къ сожалѣнію, въ нашемъ «освободительномъ движеніи» среди требованій внѣшнихъ реформъ мы не слышимъ призы-вовъ къ нашему внутреннему возрожденію, а вмѣстѣ и не видимъ ничего и похожаго на нашу духовную зрѣлость. Напротивъ, все то, что совершилось послѣ объявленія сво-боды, вся необузданность „крайнихъ“, безпримѣрное право-нарушеніе, какимъ ознаменовалось освободительное движе-ніе, вся безнравственность средствъ этого движенія до іезуитскаго правила, — „цѣль оправдываетъ средства“ — все это показало такое одичаніе нравовъ даже передовыхъ лю-дей Россіи, что даже Европа, на языкѣ которой мы были всегда варварами, говоритъ о насъ не иначе, какъ съ не-скрываемымъ негодованіемъ, какъ объ измѣнникахъ своей родинѣ. Страну, страдавшую отъ бюрократизма, наши пе-редовые люди, сулящіе намъ „земной рай“ во имя выпр-

ванныхъ свободъ, такъ терроризовали, совершили такія возмутительныя насилія надъ ея гражданами, что поневолю многимъ приходится мечтать о прошломъ, какъ невозвратномъ. Вотъ почему намъ кажется, что, воплотивъ сочувствую и способствуя проведенію внѣшнихъ реформъ, необходимо одновременно же возбудить вниманіе и интересъ общества къ идеѣ самосовершенствованія, необходимо указать и дать здоровыя воспитательныя средства, создать воздоравливающую атмосферу, пробудить въ человѣкѣ лучшія чувства. Необходимо выяснить, что предположенныя реформы, имѣя цѣлю „общее матеріальное благо“, касаются лишь одной стороны человѣческой природы, а другая остается въ состояніи „омертвѣнія“, что при такихъ условіяхъ развитія одной стороны въ ущербъ и за счетъ другой — всѣ усилія русскихъ передовыхъ людей, труды и жертвы ихъ могутъ быть напрасными жертвами.

И обязанность выясненія этого лежитъ прежде всего на печати. Къ глубокому сожалѣнію, наша передовая печать слишкомъ отрицательно относится къ вопросу о совершенствованіи личности. Когда еще въ періодъ зачатія гражданскихъ реформъ въ благонамѣренной части печати раздались голоса, требовавшіе одновременнаго съ внѣшними реформами усовершенствованія личности, по всей линіи либеральной прессы, не исключая и духовной, раздались негодующіе голоса. „Не въ этомъ дѣло“ — запротестовали крайніе органы печати. Даже Л. Толстой не угодили русской публикѣ на этотъ разъ. Его статьи о нравственномъ усовершенствованіи личности вызвали яростную критику и порицаніе. „Старикъ выжилъ изъ ума“, порѣшили еще вчерашніе его поклонники. Да это и естественно. Волна освободительнаго движенія такъ захлеснула разумъ многихъ, что даже у людей недюжиннаго ума парализовалась самостоятельность мысли, и они начали думать, говорить и писать въ какомъ-то гипнозѣ чужою волею. Все перемѣшалось: самые ограниченныя заняли мѣста умниковъ: истинно передовые, словомъ и дѣломъ доказавшіе свою передовитость, зачислены въ ряды отсталыхъ. Печать, кричавшая о свободахъ съ направленнымъ дуломъ во всякаго осмѣливагося понимать свободы иначе, чѣмъ она, была истиннымъ выразителемъ „свободы“, попираетелемъ всякой оригинальной мысли, несогласной съ ея направленіемъ. Клеймя „чер-

носотенцем“, какъ меньшею мѣрою наказанія, всякаго, имѣющаго дерзость отстаивать свою мысль, печать, воскресивъ времена „слова и дѣла“, диктаторски влекла къ позорному столбу даже тѣхъ великихъ людей родины, кто много для нея сдѣлалъ. Авторитеты были попораны. Она, одна печать давала тонъ загнипнотизированному обществу, и русскіе люди дѣйствительно начали думать, писать и говорить такъ, какъ имъ разрѣшалось печатью. Ложный стыдъ показаться „отсталымъ“ въ глазахъ прессы сдѣлалъ свое дѣло: всѣмъ захотѣлось хоть чуточку, хоть для виду приобщиться къ движенію, хоть немножечко прикоснуться къ „колесницѣ свободы“, везомой русскими передовиками. Такъ заманчива казалась роль Крыловской мухи на рогу быка. Такъ или иначе, кто по убѣжденію, кто по заблужденію, кто по волѣ, кто по неволѣ—по ложному стыду, кто словомъ, кто дѣломъ, одинъ за другимъ впряглись въ „колесницу свободы“, способствуя ей славному шествію. И колесница кружилась въ бѣшеной скачкѣ! Когда же было время подумать: „куда и что они везуть“? Никому не хотѣлось казаться отсталымъ, всѣ спѣшили прикрыть свою „дикость“ подъ флагомъ свободы. Всѣ потребовали себѣ разнаго рода волностей и льготъ, потребовали правъ человѣческихъ, правъ гражданства, но мало кто подумалъ, что у всякаго, даже и свободнаго гражданина, кромѣ правъ должны быть и обязанности, налагаемыя на него нравственнымъ долгомъ, потребностями духовной жизни.

Въ соотвѣтствіе гражданскимъ реформамъ, и въ самыхъ церковныхъ реформахъ мы не найдемъ заботы о душѣ, объ усовершеніи личности. Въ подготовительныхъ работахъ къ церковному собору мы не видимъ, чтобы даже пастыри—вожди народа призывались прежде всего къ внутреннему самопознанію, къ работѣ надъ самими собою. И здѣсь, какъ и въ гражданскихъ реформахъ, мы видимъ мало заботъ о душѣ.

Всѣ намѣченные и подлежащіе разрѣшенію собора вопросы касаются формы существующаго въ Русской церкви правопорядка, формы церковнаго устройства, церковнаго управленія, церковнаго суда, формальной стороны образованія, нужнаго пастырству. На первомъ планѣ стоитъ вопросъ о выборѣ патріарха для возглавленія церкви. Ну, выберемъ патріарха, возглавимъ церковь; далѣе подѣлимъ

имперію на митрополіи, реорганізуемъ консисторіи, придадимъ свѣтскій характеръ семинарскимъ наукамъ, наименуемъ приходы общинами, исправимъ богослужебныя книги, даже сократимъ чинъ богослуженія. Что же, я лично отъ всего этого духовно усовершенствуюсь? Почему я тогда буду меньше порочень и болѣе дѣятелень? Что возжетъ во мнѣ огонь пастырской ревности? Что побудитъ стать истиннымъ пастыремъ, а не наемникомъ; что заставитъ меня истово совершать богослуженіе, ревностно проповѣдывать слово Божіе, ходить въ школу, если всего этого я не дѣлалъ до реформъ? Вѣдь измѣнятся однѣ внѣшнія формы; я же останусь все тотъ же съ своими недостатками! Что же, развѣ община возродитъ меня? Правда, вопросъ объ общинѣ, какъ церковно-общественной единицѣ, которая слагается непосредственно изъ душъ спасаемыхъ, существенно касается самой жизни церковной, — того, какъ „Святымъ Духомъ всяка душа живится“. Но на что же возлагается надежда въ дѣлѣ оживленія прихода въ духѣ церкви и самыхъ пастырей, когда и въ печати, и отзывахъ нашихъ архипастырей по данному вопросу община трактуется лишь какъ юридическая единица, обладающая извѣстными правами, распоряджающаяся чрезъ организованное представительство всѣми хозяйственными дѣлами мѣстной церкви. О средствахъ же къ возбужденію именно духовной жизни православнаго русскаго народа, составляющаго самое тѣло церкви русской, почти ни слова. Неужели же автономія прихода сама по себѣ послужитъ стимуломъ къ возбужденію жизнедѣятельности въ приходѣ? Однако исторія церковно-приходскихъ попечительствъ, братствъ, обществъ трезвости, миссіонерскихъ кружковъ говоритъ совсѣмъ противное; такъ что и жизнедѣятельность общинъ съ ихъ юридическими правами можетъ быть очень далекою отъ жизни и дѣятельности прихода, оживляемаго Духомъ Божиимъ. Но это реформы, идущія сверху; теперъ посмотримъ: каковы требованія самого духовенства, и насколько эти требованія имѣютъ отношеніе къ самосовершенствованію.

Мы требуемъ уничтоженія бюрократическаго приказнаго строя духовнаго вѣдомства, мѣшающаго намъ работать на пользу пасомыхъ. Нѣтъ спору, что бюрократическіе приемы духовнаго вѣдомства кое-гдѣ даютъ себя чувствовать, но не всегда въ области непосредственнаго пастырскаго воспита-

нія народа. И во всякомъ случаѣ есть цѣлая область такой работы духовенства, куда духовная бюрократія не имѣетъ прямого отношенія. Не всѣ пастырскія обязанности вкладываются въ рамки внѣшняго приказнаго строя. Кто намъ, на примѣръ, до сего времени мѣшалъ проповѣдывать слово Божіе съ церковной кафедрой? Кто мѣшалъ намъ до сего времени пользоваться этимъ средствомъ христіанскаго воспитанія прихода? Приказная цензура? Вздоръ! Кто хотѣлъ, пользовался полною свободою проповѣди, не переступая тѣхъ грани, выходить за которыя непозволительно ни въ какой свободной странѣ, не исключая и свободолюбивой Франціи. Кто мѣшалъ намъ пользоваться исповѣдью—самымъ могучимъ средствомъ воспитанія души, сердца и воли народной? Мы холодно, по обязанности исполняли этотъ долгъ, озабочивались болѣе увеличеніемъ платы за исповѣдь, нежели умноженіемъ овецъ, приводимыхъ „во дворъ овчій“. Кто мѣшалъ намъ пользоваться школой—естественной воспитательницей народа? Она была всецѣло въ нашихъ рукахъ, и кто хотѣлъ, душу полагалъ въ нее, дѣлалъ чудеса въ приходѣ. Но большинство отвернулось отъ нея. Трудъ безплатный... бюрократическій надзоръ... начальства много... Но укажите школу безъ надзора! Гдѣ она и куда будетъ годна? Какой же строй заставитъ нерадиваго раба нелѣпно дѣлать дѣло Божіе? Нѣтъ,—всего этого не дѣлали мы не потому, что насъ давилъ бюрократическій строй, а потому, что у насъ не было внутренней потребности работать, честно исполнять свой долгъ.

Мы требуемъ открытаго признанія за нами гражданскихъ и политическихъ правъ, чтобы совмѣстно съ народомъ добиться намѣченныхъ реформъ. Мы мужественно сейчасъ кричимъ о разныхъ нестроеніяхъ въ жизни народа и государства. Но давно ли мы набрались этого мужества? Почему же ранѣе мы не имѣли гражданского мужества указать, кому слѣдуетъ, ненормальныя стороны жизни и тѣмъ, быть можетъ, предотвратить страну отъ многихъ потрясеній? Да мы его не имѣли изъ опасенія, что приказный строй придавитъ насъ, а въ общемъ крикѣ мы не такъ замѣтны! Но гражданское мужество тѣмъ и цѣнно, что оно запечатлѣвается самопожертвованіемъ. Мы же боялись пожертвовать своимъ положеніемъ за истину. Мы забыли высокой духъ самопожертвованія отечественныхъ пастырей, которые, не

считаясь съ приказнымъ строемъ, шли на казнь за истину, своею кровію запечатлѣвая ее! Мы готовы подражать скорѣе Гапонамъ, нежели такимъ свѣтиламъ, какъ св. Николай, вырвавшій мечъ у палача, спасая отъ смерти невинно осужденнаго, какъ св. Амвросій Медиоланскій, и св. Игнатій, патріархъ Константинопольскій, не допустившіе императоровъ къ св. причастію, первый—за избіеніе мятежниковъ, второй—за развратъ. А св. Филиппъ и другіе отечественные борцы-мученики за правду? Мы протестовали противъ смертной казни взбунтовавшихся матросовъ, противъ казни Шмидта, потому что это такъ современно-либерально и модно, но сколько дѣйствительно невинныхъ въ судахъ и тюрьмахъ до сего времени томилась и томятся, не слыша пастырскаго заступничества? Плохіе мы борцы за истину! Только на языкѣ проявляемъ мужество, а на дѣлѣ мы прежде всего люди положенія. Нѣтъ у насъ настоящаго христіанскаго мужества, не считающагося ни съ какими преградами для защиты истины.

Не проявляя надлежащаго мужества въ дѣлахъ нашего церковно-общественнаго служенія, мы боимся проявить его и въ общежитіи, даже и въ кругу присныхъ намъ, когда наше трезвое слово могло бы поддержать и спасти заблуждающагося. Не приходилось ли наблюдать въ нашей средѣ, напр., въ нашихъ братскихъ, или окружныхъ собраніяхъ, или просто въ кругу случайно собравшихся пастырей-сосѣдей примѣры того, когда тотъ или другой изъ нашихъ собратій по убѣжденію, играя красивыми словами, съ цѣлію казаться „передовымъ“, что называется, завирается, кощунственно высмѣивая предметы глубокаго почитанія присутствующихъ? Достало ли у насъ мужества братски остановить собрата, вразумить его и доказать всю ложь его убѣжденій, а если нужно, то и предать его товарищескому суду, во избѣжаніе возможно худшаго для него въ будущемъ? Нѣтъ, руководствуясь политикой невмѣшательства, мы молчимъ, а истина попирается... товарищъ гибнетъ...

Въ достаточной ли мѣрѣ мы проявили чувство долга по отношенію къ нашимъ дѣтямъ—воспитанникамъ духовно-учебныхъ заведеній, когда школьное начальство, въ періодъ школьныхъ смуть, обратилось за нашимъ содѣйствіемъ? Нѣтъ, мы вели себя преступно, толкая дѣтей въ открытую пропасть.

Боясь порицаніемъ дѣтей показать виновность ихъ въ глазахъ школьнаго начальства, а вмѣстѣ съ тѣмъ боясь въ глазахъ дѣтей показаться отсталыми въ такое время, когда огульно порицалось все, что исходило отъ начальства, мы въ присутствіи дѣтей, нарочно вызванныхъ для вразумленія въ собраніи окружнаго духовенства, дружно порицали школьное начальство, тѣмъ негласно поощряя ихъ на дальнѣйшія безумія. Какъ будто вина въ недочетахъ школы, вызвавшихъ нестроенія, лежитъ на ближайшемъ школьномъ начальствѣ, а не на тѣхъ, кто ихъ создавалъ, о нихъ вѣдалъ и поддерживалъ!

Мы требуемъ выборнаго начала отъ верху до низу. Повидимому, что можно имѣть противъ этого начала, идущаго отъ первыхъ дней христіанства и освященнаго примѣромъ избранія апостола Матвія въ Іерусалимской горницѣ? По высотѣ своей идеи оно — одно изъ могучихъ средствъ для возвышенія личности пастыря, являющагося факторомъ, посредствующимъ между Богомъ и людьми. А личность можетъ быть высока только тогда, когда въ жизни ея находятся условія, благопріятствующія ея развитію. Для выработки высшей нравственности въ человѣкѣ нужно развивать въ немъ самоуваженіе, глубокое сознаніе долга, потребности свѣта и правды. А такія качества могутъ приобрѣтаться уваженіемъ къ личности, довѣріемъ къ ней. Достоинство выборнаго начала собственно и заключается въ довѣріи къ личности, оно есть доказательство правоспособности того, кому ввѣряется имъ пользоваться. Существо, признанное неспособнымъ въ устройствѣ своего положенія, не можетъ питать въ себѣ самоуваженія, а ступшевывается, дѣлается безличнымъ. Такое лицо уже не можетъ принести пользы для общества; оно по необходимости отражаетъ собою духъ рабства, а не свободы. Такіе люди годны только для повиновенія, для безгласной покорности волѣ другихъ, а не для руководства другими, не для пастырства. Пастырь долженъ быть непременно свободнымъ: онъ долженъ питать въ себѣ чувство правопомощи, самостоятельности. Вотъ идея выборнаго начала. Но что осталось отъ этой идеи въ примѣненіи ея на практикѣ? Исторія этого начала въ нашей отечественной церкви на протяженіи цѣлыхъ вѣковъ говоритъ о многочисленныхъ злоупотребленіяхъ этимъ началомъ, свѣдѣтельствующихъ въ свою очередь о нашей духовной неспособности. Но пусть въ прошломъ мы были не зрѣлы, о

чемъ говорить намъ современность? Какъ пользовались мы этимъ началомъ даже въ послѣднее время, когда мы, повидимому, признаны и самимъ правительствомъ уже зрѣлыми, и способными управлять дарованными намъ свободами? Даже въ той незначительной области пользованія выборнымъ началомъ, которая сохранилась, какъ слѣдъ болѣе широкаго пользованія имъ (выборъ, напр., депутатовъ и др.), мы обратили это начало въ ничто иное, какъ въ игру страстей. Мы пользовались имъ для какихъ угодно цѣлей: и для проведенія самихъ себя, и для мести недругу, и для одоженія другу, но никакъ не для служенія общему благу. Во время прошлогоднихъ выборовъ въ Государственную Думу, вмѣсто сплоченности, единенія, вмѣсто строгаго обсужденія, куда и кого мы должны изъ своей среды выбирать, мы топтали другъ друга, желая провести самого себя безъ всякаго соображенія, на что мы пригодны, — топтали некрасиво и на глазахъ представителей другихъ сословій, вызывая со стороны послѣднихъ самые ядовитые сарказмы по адресу духовенства.

Указаніемъ такого отношенія къ выборному началу мы впрочемъ никакъ не хотѣли сказать того, что такое положеніе вещей должно повести къ уничтоженію самаго выборнаго начала, — къ тому, чтобы мы сами отказались отъ него, сознавъ свое безсиліе самоуправляться, и сочли бы за наилучшее предать себя всецѣло попеченію о насъ начальства; нѣтъ — мы хотѣли показать лишь то, насколько мы удалились отъ идеи выборнаго начала, возстановить его истинное значеніе, возбудить къ нему симпатію, показать, что пользоваться этимъ началомъ на общее благо мы можемъ при условіи самосознанія, при условіи трезваго, добросовѣстнаго отношенія къ дѣлу общественнаго служенія.

Мы требуемъ уничтоженія наградъ, но... при условіи предоставленія всѣмъ священникамъ, по принятіи сана, носить камилавку, т. е. почти самую высшую награду для рядового священника. Мы говоримъ: награды не нужны: онѣ развиваютъ чувства зависти, злобы, пролазничества и т. д. Но вѣдь, уничтожая награды, мы уничтожаемъ лишь одинъ изъ поводовъ къ дурнымъ чувствамъ, а чувства эти все же остаются съ нами? Почему бы намъ не заняться борьбою съ этими низменными чувствами, такъ несвойствен-

ными лицамъ священнаго сана? И тогда вопросъ о наградахъ насъ столько не занималъ бы.

Мы требуемъ предоставленія діаконамъ и псаломщикамъ равныхъ правъ на братскихъ собраніяхъ и благочинническихъ сѣздахъ, но лишь въ смыслѣ предоставленія имъ полного голоса (шара) при баллотировкахъ. Это въ цѣляхъ поднятія ихъ человѣческаго достоинства. Никакъ не можемъ понять, какъ это можно поднять человѣческое достоинство предоставленіемъ ему полного голоса? Почему бы въ цѣляхъ дѣйствительнаго поднятія человѣческаго достоинства необразованныхъ псаломщиковъ не заняться либеральнымъ батюшкамъ поднятіемъ самой личности псаломщика, чтобы она дѣйствительно была такого же достоинства, какъ и личность священника? Почему бы не заняться развитіемъ этой личности, умственно и нравственно приближая ее къ себѣ? Почему бы на самомъ дѣлѣ не показать и не доказать, что всѣ члены причта—братья и сослужители, вывести низшихъ членовъ причта изъ состоянія рабскаго исполненія приказаній священника, и тогда уже подносить имъ цѣлый шаръ? А то интересно: въ собраніяхъ священники кричатъ о равенствѣ и братствѣ, а по выходѣ изъ собраній сажаютъ псаломщиковъ на козла. Или почему бы во имя того же либерализма и на основаніи того, что псаломщики несомнѣнно болѣе священниковъ работаютъ (читаютъ и поютъ) при богослуженіи и требохъ, не предоставить имъ равной части доходности? О, этого нельзя... здѣсь заговорять объ образовательномъ цензѣ... здѣсь либеральничать неудобно... по карману бьетъ. Увѣренъ, что они были бы благодарны болѣе за хлѣбъ насущный, нежели за цѣлый шаръ, мало имъ интересный, такъ какъ они ни въ какія должности не баллотировуются. А при настоящихъ отношеніяхъ псаломщикъ съ полнымъ шаромъ, символомъ равенства, можетъ оказаться въ рукахъ священниковъ лишь послушнымъ орудіемъ класть шаръ туда, куда ему прикажетъ священникъ.

Мы требуемъ замѣны духовнаго платья свѣтскимъ костюмомъ. По какимъ мотивамъ? Если по сознанію того, что мы порочною своею жизнью и небрежнымъ исполненіемъ пастырскихъ обязанностей слишкомъ удалились отъ Христа и недостойны носить подобіе той хламиды, въ какую Онъ облакался, то такое требованіе, пропитанное сознаніемъ грѣховности и духомъ смиренія, еще можетъ имѣть мѣсто; но если это требо-

ваніе исходить изъ желанія имѣть, благодаря свѣтскому костюму, безпрепятственный входъ туда и въ такія мѣста, гдѣ не подобаетъ быть лицу священнаго сана, то такое требованіе можетъ быть приемо съ тѣмъ же глубокимъ прискорбіемъ, съ какимъ оно принято (по поводу петиціи прав. духовенства Западнаго края) Св. Синодомъ. Насколько это требованіе духовенства имѣетъ отношеніе къ поставленному нами вопросу объ усовершеніи личности, пусть судитъ самъ читатель.

Мы требуемъ второго брака для вдовцовъ-священниковъ. Въ ряду другихъ вопросовъ и требованій этотъ вопросъ, по нашему мнѣнію, самый важный, имѣющій самое непосредственное отношеніе къ усовершенствованію личности пастыря и паствы. Нечего скрывать: терпѣть далѣе тотъ великій соблазнъ, какой даетъ приходу нелегальное въ извѣстномъ отношеніи положеніе вдовца-священника, было бы преступно. Закрывать на это глаза теперь, когда открывается нѣкоторая возможность что нибудь сдѣлать, значить обречь нѣкоторые приходы на завѣдомый соблазнъ. И если церковные каноны окажутся къ такимъ лицамъ немолимо суровыми, то остается изыскать для такихъ несчастливцевъ болѣе сносныя условія выхода изъ духовнаго званія. Такимъ выходомъ могло бы быть допущеніе по снятіи сана въ высшія свѣтскія и духовныя учебныя заведенія съ принятіемъ дѣтей ихъ въ духовно-учебныя заведенія на казенный счетъ, предоставленіе имъ при поступленіи на гражданскую службу, по снятіи сана, всѣхъ гражданскихъ правъ по образовательному цензу, безъ всякихъ ограниченій и даже съ зачисленіемъ времени священства въ счетъ на пенсію.

Вотъ наши требованія и наши программы. Что же? Обвиняя во всемъ старый строй, предъявляя свои требованія яко-бы къ обновленію жизни, мы хотя бы единымъ словомъ обмолвились о томъ, что часть вины лежитъ и на насъ самихъ, что и мы сами далеко не совершенство, что для возрожденія жизни народа прежде всего необходимо возродиться самому духовенству, какъ вождямъ народа!

Мы сейчасъ указали на требованія духовенства, но есть требованія, предъявляемыя къ самому духовенству, — требованія народа и жизни; не считаться съ ними нельзя, ибо

они голосъ народа. Намъ приходилось быть на многолюдныхъ собраніяхъ, или митингахъ... Выступали и говорили ораторы всѣхъ сословій... говорили о разныхъ дефектахъ и нуждахъ народной жизни. Въ числѣ наболѣвшихъ вопросовъ не послѣднее мѣсто заняло сужденіе народа о духовенствѣ. Нѣкоторые ораторы, исключительно изъ простого народа, вопросу о духовенствѣ придавали такое важное значеніе, что, какъ оказалось, они и въ собранія являлись съ полномочіями отъ общества говорить спеціально только на эту тему. Особенное вниманіе обратилъ на себя видный представитель деревни—старшина, житель богатаго села, гдѣ отъ 7 до 8 священниковъ. По его завѣренію, духовенство неучительно: цѣлыя десятилѣтія духовенство читаетъ по печатнымъ, уже потрепаннымъ книгамъ, одни и тѣ же поученія... прихожане уже наизусть знаютъ эти проповѣди, а они все ихъ повторяютъ; духовенство не ходитъ въ школу... духовенство тяжело на подъемъ... бываютъ случаи смерти больныхъ безъ присутствія священниковъ... духовенство спѣшно, неблаголѣпно совершаетъ богослуженіе, такъ что, какъ выразился ораторъ, „приходится отвращаться отъ храма“. Это болѣе сдержанный отзывъ; другіе выступали съ резолюціями сельскихъ сходствъ о духовенствѣ, въ коихъ излагались болѣе тяжелыя обвиненія противъ духовенства. Тяжело было слушать присутствовавшему духовенству судъ народный надъ собою, пытались возражать, но слово не вязалось на языкѣ, — такъ много правды было сказано!

Такія требованія съ несомнѣнностью говорятъ, что даже простой народъ переросъ тѣ формы религіознаго отправления, въ которыхъ до сего времени выливалось служеніе духовенства, и переросъ настолько, что является открытымъ порицателемъ косности духовенства. Несомнѣнно, что эти требованія народа должны также лечь въ основу духовныхъ реформъ.

Наконецъ, сопоставляя эти, повидимому, скромныя требованія народа съ требованіями, идущими „сверху“, не можемъ не притти къ одному и тому же заключенію, что прежде всего мы нуждаемся въ возсозданіи въ жизни народной истинно-христіанскаго духа путемъ развитія и воспитанія духовныхъ силъ человѣка, и въ этомъ нуждаемся гораздо въ большей мѣрѣ, нежели въ обновленіи, правда об-

ветшавшихъ и требующихъ перемѣнъ, но все же не составляющихъ главнаго „въ законѣ“, формъ церковнаго управленія; ибо, повторяемъ,—жизнь церковная не закипитъ отъ того, если будутъ измѣнены способы назначенія іерарховъ, и въ приходскихъ дѣлахъ примутъ участіе и міряне. А чтобы отвѣчать требованіямъ духовнаго возрожденія страны, духовенство должно взять на себя мужество пересмотрѣть свое „я“—насколько оно отвѣчаетъ въ настоящемъ своемъ видѣ повышеннымъ требованіямъ времени и историческому моменту, и съ этого начать дѣло служенія народу и церкви. Обновляя самихъ себя путемъ самопознанія, совершенствуя свое „я“, какъ часть цѣлаго, и тѣмъ способствуя духовному оздоровленію цѣлаго „я“, духовенство, и какъ граждане, и какъ вожди народныя, тѣмъ самымъ полагало бы прочное начало и основаніе въ предстоящей работѣ нашего общаго возрожденія. Безъ этого условія нельзя ожидать обновленія нашей жизни, нельзя ожидать, чтобы даже геніальные люди, поставленные во главѣ народнаго представительства, путемъ даже блестящихъ реформъ, магически сдѣлали насъ духовно лучшими.

Повторяемъ снова: гражданскія и духовныя реформы, касаясь лишь внѣшней стороны, безспорно могутъ дать лучшія условія для нашего самоусовершенствованія, но сами по себѣ не подвинутъ насъ впередъ, если только мы въ сознаніи своего несовершенства одновременно съ полученіемъ новыхъ формъ жизни не станемъ постепенно обновлять себя внутренно, перерождаться въ новаго человѣка. Какъ новый костюмъ, давая внѣшнюю красоту, не увеличиваетъ внутренней красоты, какъ и новыя формы жизни ничего не дадутъ для нашего „я“; онѣ пройдутъ мимо насъ. Сейчасъ мы винимъ бюрократію, а тогда кого? Доселѣ мы занимались самооплеваніемъ; теперь время заняться самоисправленіемъ. Общее сожалѣніе—нѣтъ честныхъ людей. Займемся же мы реформой нашего „я“. Ибо никакіе „соброры и думы“ не приблизятъ насъ къ конечной цѣли земнаго существованія, хотя бы въ этихъ учрежденіяхъ работали тысячи геніевъ-реформаторовъ, если мы въ основу жизни не будемъ полагать заповѣди единаго Реформатора жизни—Самого Христа: „будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный“.

ПОГОНЯ ЗА МИРАЖАМИ.

Крайне унижительный способ содержанія духовенства давно лежитъ тяжелымъ камнемъ на душѣ каждаго священника. Наиболѣе молодыхъ нашихъ сельскихъ священниковъ — идеалистовъ эти ужасныя поручныя даянія доводятъ почти до отчаянія. Положительно всѣ до единого іереи мечтаютъ о томъ времени, когда всѣ они будутъ получать казенное жалованье. Епархіальные собранія при этомъ опредѣляютъ уже и размѣръ этого жалованья, поскольку этотъ размѣръ опредѣляется потребностями сложившагося быта нашего. При рѣшеніи вопроса о будущемъ содержаніи духовенства казенное жалованье, какъ несомнѣнный, реальный фактъ, кладется въ основу всѣхъ разсужденій.

Но все ли здѣсь несомнѣнно, точно? Соотвѣтствуетъ ли дѣйствительное положеніе вещей нашимъ разсчетамъ? Не гоняемся ли мы за миражами, и вмѣсто того, чтобы строить наше будущее матеріальное обезпеченіе на прочномъ фундаментѣ, не кладемъ ли въ основу одно только наше воображеніе, мечту?

По этому вопросу въ августѣ 1906 года появилась весьма интересная статья А. В. Карташева въ газетѣ „Страна“. Тотчасъ по своемъ напечатаніи она была или цѣликомъ, или въ выдержкахъ перепечатана въ другихъ періодическихъ изданіяхъ.

Г. Карташевъ, въ отвѣтъ на письмо въ редакцію „Страна“ одного священника, пишетъ, что духовенству нужно оставить мысль о казенномъ жалованьи, и что казна государства не обязана платить людямъ, служащимъ не ему, а церкви, руководящейся въ своей дѣятельности совершенно иными, чѣмъ государство, цѣлями. Полученіе содержанія отъ государства, говоритъ г. Карташевъ, свяжетъ и служителей религіи, такъ какъ, естественно, государство за свои деньги потребуетъ отъ духовенства такихъ услугъ, какія прямо возбраняются ему идеаломъ слуги Христова, и при этомъ ссылается на минувшую исторію церкви въ синодальномъ ея періодѣ, — періодѣ низведенія общества людей, возглавляемыхъ Христомъ, въ одинъ незначительный департаментъ государственнаго управленія — „Вѣдомство православнаго исповѣданія“. — Авторъ касается и вопроса о

церковной землѣ и также встаетъ на широко пропагандируемый теперь экономическій принципъ: „земля — трудящимся“. Исходя отсюда, авторъ предвидитъ бесплатное отобрание церковныхъ земель у всѣхъ тѣхъ служителей церкви, которые не обрабатываютъ земли сами, а живутъ на доходъ отъ этой земли (живутъ рантье — по выраженію Карташева), обрабатываемой другими. —

Переходя къ вопросу о томъ, кто же долженъ содержать служителей религіи, г. Карташевъ весьма резонно отвѣчаетъ, что содержать духовенство должны тѣ, кому это духовенство нужно, — т. е. приходъ, и если православіе дорого русскому народу, то онъ найдетъ и силы содержать служителей дорогой ему религіи.

Мы лично всецѣло соглашаемся съ послѣдними словами г. Карташева. Соглашаемся и съ тѣмъ, что содержаніе отъ государства помѣшаетъ намъ руководиться въ своей пастырской дѣятельности требованіями нашей священнической совѣсти и заставитъ послѣднюю постоянно входить въ компромиссъ съ взглядами не только науки и государства, но и того или другою конкретнаго правительства.

Не распространяясь далѣе въ разсмотрѣніи мысли о несовмѣстимости служенія церкви и государству, мы хотѣли бы говорить о томъ, что и фактически намъ нѣтъ почти никакихъ основаній надѣяться на ассигнованіе намъ содержанія изъ суммъ государственнаго казначейства.

Намъ кажется, что духовенство слишкомъ мало принимаетъ въ расчетъ ту серьезную государственную реформу, которая совершена у насъ манифестомъ 17 октября 1905 года. Этотъ манифестъ объявляетъ, что ни одинъ законъ не можетъ быть принятъ безъ согласія Государственной Думы, которая также разсматриваетъ и государственную роспись доходовъ и расходовъ. Исходя отъ сюда, нельзя не видѣть, что назначеніе духовенству жалованья должно сначала получить одобреніе Думы и, отвергнутое ею, не можетъ осуществиться. Теперь, есть ли у насъ серьезныя данныя на то, что Дума одобритъ назначеніе духовенству жалованья? Намъ кажется, что этихъ данныхъ нѣтъ.

I. Намъ не нужно забывать одного факта изъ жизни первой Думы. Когда обсуждался общій принципъ рѣшенія аграрнаго вопроса для включенія его въ отвѣтный адресъ

Его Величеству, то Дума постановила отобрать монастырскія и церковныя земли, и при этомъ совершенно не коснулась вопроса объ уплатѣ за эти земли, въ противоположность землямъ частновладѣльческимъ, въ отношеніи къ которымъ Дума проектировала отчужденіе, т. е. покупку. При этомъ ни одинъ изъ членовъ Думы не указалъ на то, что отобраніе церковныхъ земель во всей силѣ выдвигаетъ серьезнѣйшій вопросъ о содержаніи клира православной церкви, къ которой принадлежит по крайней мѣрѣ $\frac{3}{5}$ населенія имперіи. И если этого не сказалъ ни одинъ изъ членовъ Думы, ясно, что послѣдняя и не считаетъ обезпеченіе духовенства своимъ дѣломъ и, повидимому, предполагала провести законъ объ отдѣленіи церкви отъ государства.

2) Дума въ отношеніи къ религіямъ насельниковъ государства стояла на почвѣ полной свободы совѣсти. Исходя изъ этого принципа, Дума, если бы и назначила содержаніе служителямъ православія, то только на ряду съ культовыми служителями и другихъ религій—мусульманской, шаманской, ламайской, не говоря уже о христіанскихъ исповѣданіяхъ—латинскомъ, протестанскихъ, армянскомъ и о диссидентахъ изъ нѣдръ православія (баптизмъ, расколъ и т. д.)

3) Совершенно очевидно, что наше государство вступило на путь широкой децентрализаціи управленія. Нѣтъ сомнѣнія, что развитіе мѣстнаго самоуправленія быстро сдѣлаетъ громадныя шаги впередъ: этого требуютъ обширность государства, громадное число его населенія и громадныя разницы климатическія, этнографическія, вѣроисповѣдныя и національныя. Финляндія уже имѣетъ свой парламентъ, свое законодательство, даже свою монету. Эти же требованія выдвигаютъ теперь представители Царства Польскаго, Кавказа, Украины и т. д. Преосвященный Евлогій, епископъ Люблинскій, уже теперь заботливо хлопочетъ о выдѣленіи особой Холмской губерніи съ ея по преимуществу православнымъ населеніемъ для того безъ сомнѣнія, чтобы въ будущемъ это населеніе не подвергалось колонизаціи со стороны католическаго большинства края, въ которомъ уже и теперь, до Думы, введены земскія учрежденія. Приводя въ параллель исторію другихъ государствъ, ранѣе насъ принявшихъ конституціонный строй, мы увидимъ, что собственно государственное хозяйство чрезвычайно суживается: у центральной власти остаются заботы о военныхъ силахъ

государства, сухопутныхъ и морскихъ, таможни, объявленіе войны и мира, иностранныя дѣла; почти все внутреннее хозяйство страны переходитъ къ самоуправляющимся социальнымъ единицамъ. Такими единицами въ такомъ сравнительно съ Россією однородномъ по своему составу и пространству государствѣ, какъ Германія, являются десятки отдѣльныхъ самостоятельныхъ княжествъ и королевствъ; Соединенные Штаты представляютъ изъ себя союзъ, или, какъ теперь принято выражаться, федерацію отдѣльныхъ республикъ, число которыхъ постоянно растетъ, и этому росту весьма благоприятствуютъ законы страны. Великобританія давно предоставила широкое самоуправленіе своимъ многочисленнымъ колоніямъ: и Канада, и Австралія, и Каплэндъ давно имѣютъ свои парламенты, свои министерства, свои финансы и даже войско... Вотъ почему пройдетъ годъ, быть можетъ, два, три, пять, но потомъ самое возбужденіе вопроса о содержаніи духовенству въ Государственной Думѣ сдѣлается анахронизмомъ, и эти вопросы будутъ обсуждаться какими-нибудь Чухломскимъ, Пошехонскимъ или Бунскимъ земскими собраніями...

4) Составъ Государственной Думы всегда будетъ чрезвычайно разнообразенъ. И первая Дума была представлена вовсе не одними русскими. Здѣсь была значительная еврейская группа, очень большая фракція—католиковъ, поляковъ и литовцевъ; большинство русскихъ членовъ принадлежало къ интеллигенціи, которая давно отстала отъ христіанства, какъ религіи, и смотритъ на православіе, какъ на пережитокъ старины. Даже трудовая группа, составленная исключительно изъ крестьянскихъ депутатовъ, и та въ общемъ относилась къ духовенству отрицательно и нисколько не возмущалась, когда лидеры группы, г.г. Аладьинъ, и Анкинъ, въ своихъ частыхъ рѣчахъ издѣвались надъ духовенствомъ. Теперь спрошу, дала ли первая Дума какую-либо надежду на благоприятный исходъ предложенія о жалованьи духовенству? Намъ опять таки думается, что эта Дума много разъ сказала намъ, что собственно духовенству отъ Думы ждать нужно и возможно очень немногаго и то въ области улучшенія правового его положенія и никакъ не въ области экономической.

Вотъ почему однажды назвали мы всѣ разговоры о казенномъ жалованьи „шумихой“. Теперь, остановившись на

этомъ вопросѣ обстоятельнѣе, мы еще усилимъ наше первое выраженіе, что и шумиха эта чрезвычайно вредная и прежде всего для насъ самихъ.

Въ самомъ дѣлѣ—въ февралѣ соберется Дума второго призыва, и этому собранію министръ финансовъ представитъ государственную роспись. Весьма возможно, что собраніе не только не внесетъ новыхъ кредитовъ на содержаніе духовенства, но урѣжетъ и старые? *)

Намъ нечего и вредно нарочно закрывать глаза на грядущіе дни, увлекаться несбыточными мечтами; надо сообща подумать и приготовиться къ этимъ новымъ днямъ, разрѣшивъ вопросъ о содержаніи клира на твердыхъ основаніяхъ.

О практическомъ рѣшеніи вопроса этого до слѣдующаго раза, а теперь скажемъ лишь одно: времена наступаютъ трудныя, и, переживая ихъ, намъ все чаще и все сильнѣе придется жалѣть о томъ, что мы такъ разъединены, что мы долго гонялись за миражами.

Пока кончаю эту мою статью моею старою пѣснью: „къ единенію, отцы и братіе“.

(Симбир. Е. В.).

Впечатлѣнія отъ городскихъ выборовъ съ участіемъ духовенства.

Когда мѣстный о. протоіерей назвалъ имена намѣченныхъ отъ города кандидатовъ въ губернское собраніе, то стоявшій недалеко отъ меня іерей, высокій блондинъ, рѣшительно замѣтилъ: „наше дѣло не выдетъ“. (Будущее показало, что приговоръ хорошо освѣдомленнаго о настроеніи партій іерея справедливъ: отъ города М. прошли всѣ кандидаты лѣвыхъ).

Изъ другой группы выборщиковъ выдѣлился худошавый священникъ съ яснымъ взоромъ умно-проницательныхъ глазъ. —Ну, что, какъ вамъ показались наши кандидаты, подошелъ я къ нему; мы кажется будемъ подавать свои голоса за тѣхъ, кто никогда намъ и не снился...

— Все бы ничего,—тихо, задумчиво отвѣтилъ тотъ; да только бѣда, что все это, кажется, черносотенцы.

*) Мы не думаемъ, чтобы возможно было сразу зачеркнуть все содержаніе духовенству,—для этого пришлось бы внести законопроектъ, и этотъ законопроектъ, если прошелъ бы „Думу“, несомнѣнно отвергнуть будетъ Государственнымъ Совѣтомъ.

Я подошелъ къ третьей группѣ; тамъ высказывалось сожалѣніе, что въ число кандидатовъ не попалъ тотъ священникъ, на котораго съ самаго начала выборовъ указывало духовенство (вмѣсто него былъ проведенъ большинству изъ насъ, сельскихъ іереевъ, невѣдомый чиновникъ казначейства).

Въ настроеніи всей этой толпы, густо наполнявшей залъ зданія церковной школы чувствовалось какое-то настроеніе неудовлетворенности. Какъ будто мы, все здѣсь собравшееся духовенство, ожидали чего-то другого; совсѣмъ не того, что пришлось здѣсь услышать. Какъ будто насъ насильно кто-то тянулъ подавать свои голоса за того-то именно, а не за другого; за тѣхъ, кого совсѣмъ не ожидали видѣть въ этой роли.

Постараюсь воспроизвести детальнѣе, какъ произошло все это.

Духовенству уѣзда было предложено въ день выборовъ явиться къ 9 часамъ утра въ соборъ для слушанія молебна. По окончаніи его, густые ряды потянулись въ ту же, рядомъ съ соборомъ расположенную церковную школу и заняли все ея помѣщеніе. Тутъ было и духовенство, и свѣтскіе, начиная съ предводителя дворянства, чиновниковъ и до простого народа. Все духовенство уѣзда собралось здѣсь: какъ городское, такъ и тѣ, которые видятъ городъ не болѣе двухъ разъ въ годъ (въ сроки получекъ жалованья). Приходилось наталкиваться на такихъ личностей, съ которыми ни разу до тѣхъ поръ не случалось встрѣчаться: какіе то старики „ветхіе деньми“... они не то съ радостью, не то съ изумленіемъ оглядывались въ густой, шумѣвшей вокругъ нихъ толпѣ...

Что ихъ вызвало сюда изъ глухихъ, давно насиженныхъ ими мѣстъ въ это шумное собраніе? Сознаніе-ли важности предстоящаго имъ выполнить гражданскаго долга, или же внушительная приписка въ концѣ пригласительной бумаги: „объ уклонившихся будетъ донесено“... кому слѣдуетъ...

Вошелъ протоіерей и все утихло.

— Мы сюда собрались для того, чтобы намѣтить кандидатов на предстоящіе выборы. Въ городѣ указывают на меня и еще..., тутъ о. протоіерей назвалъ фамилію одного врача, городского старожилы. Остается собранію намѣтить третьяго кандидата.

На минуту все смолкло. Эта тишина была такъ неожиданна послѣ недавняго шума.

— Отца П., отца П., раздались голоса, указывая на сравнительно еще молодого, но пользующагося нѣкоторой популярностью батюшку.

Эти заявленія, хотя дѣло происходило и во многочисленномъ собраніи, однако по своимъ результатамъ имѣли не болѣе силы, какъ и „гласъ вопіющаго въ пустыни“...

— Въ городѣ большинство остановились на... Тутъ о. протоіерей назвалъ фамилію тоже съ буквы П., но не отца, а господина П.—чиновника.

Опять что-то неопредѣленное какъ-бы пронеслось въ этой залѣ, густо наполненной людьми, спять тягостное ожиданіе чего то, что вывело-бы насъ изъ этого смутно напряженнаго состоянія.

— Тутъ важно, господа, чтобы голоса наши не разбились; надо намъ ужъ указывать на однихъ и тѣхъ-же кандидатов: иначе наше дѣло не будетъ имѣть успѣха,—выступилъ впередъ старикъ, одѣтый въ длинный черный сюртукъ; и потому, какъ толпа передъ нимъ разступалась, предупредительно очищая ему дорогу, и незнающему легко было догадаться, кто это говорившій.

Снова тишина. Видно было, что предъ большинствомъ впервые только въ эту минуту во всей своей ясности возникъ вопросъ: за кого-же подавать голосъ? И тихо—тихо, медленно начинала эту работу непривычная и тяжелая на подъемъ мысль малоросса. Это отчасти можно было сравнить съ тѣмъ, какъ при тихомъ вѣтрѣ начинаетъ вертѣться, еле-еле двигаясь, застоявшійся въ мельницѣ жерновъ... И неизвѣстно, долго-ли это было-бы и чѣмъ разрѣшилось-бы это тяжелое положеніе, если-бы не находчивость одного изъ нашихъ собратьевъ.

— Что же, согласны, господа,—все согласны?

Этотъ выкрикъ одного изъ отцовъ, которому очевидно было безразлично, въ какомъ бы направленіи и за кого бы ни голосовать, лишь-бы канитель не тянулась, лишь-бы скорѣе все это съ плечъ долой,—возвѣдъ свой успѣхъ. Живо мнѣ припомнились аналогичныя положенія на мірскихъ сходахъ. Предлагается что-либо нежелательное для большинства присутствующихъ. Толпа молчитъ, по свойственной малороссу дряблѣ деликатности, не рѣшаясь сразу-же отпарировать предложенное. Но прошедшій огонь и воду писарь—„Шельменко“ знаетъ, какъ можно „обойти общество“.—Согласны ли вы, господа, всѣ согласны? Не безъ того, что пять-десять чловѣкъ отвѣтятъ утвердительно, и дѣло закончено, на приговорѣ пишутъ „единогласно“.

Такъ и здѣсь: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ зала откликнулось нѣсколько голосовъ „согласны“—и это было сигналомъ конца. Толпа задвигалась, заволновалась. Кто успѣлъ захватить бюллетень—начали записывать избранныхъ.

— Не забудьте-же мое отечество,—предупредительно напомнилъ о. протоіерей.

Такъ закончились наши выборы.

Результаты ихъ извѣстны: по городу М. прошли крайніе лѣвые. Такимъ образомъ, наше уклоненіе „вправо“, не только не помогло дѣлу, а какъ разъ оказалось на руку нашимъ противникамъ. Въ городѣ были еще и третьи кандидаты,—отъ партіи умѣренныхъ. Голосуй мы за послѣднихъ—соединенныя силы правыхъ и центра, навѣрное, перевысили бы оппозицію. Тогда можно было бы провести кандидата духовенства и въ губернію, при условіи блока съ партіей умѣренныхъ.

При томъ финалѣ, которымъ заключились выборы по М. уѣздъ *) мы рискуемъ услышать, что наши сѣтованія совершенно напрасны, такъ какъ ни одному изъ избранныхъ лѣвыхъ все равно не пришлось ѣхать дальше своего уѣзднаго города.

*) Были кассированы; вторичныхъ же выборовъ не состоялось.

Это правда; но признаніе того факта, что неблагопріятный для нашихъ противниковъ оборотъ дѣла произошелъ благодаря лишь случайности (изъ за которой отмѣнены уѣздные выборы), а не какъ результатъ нашего искусства въ партійной борьбѣ—признаніе этого едва-ли можетъ послужить намъ утѣшеніемъ. Въ этотъ разъ только случайность разстроила планы противной партіи; но всегда-ли такъ будетъ? Думается, что при лучшей постановкѣ дѣла, чѣмъ то было на описываемыхъ выборахъ, если-бы мы и пораженіе потерпѣли, то это было-бы для насъ полезнѣе, чѣмъ фіаско противника безъ нашего въ немъ участія. Побѣжденные черезъ свои пораженія иногда и сами научаются побѣждать; но не такова была практика описываемыхъ выборовъ, чтобы дать намъ опытъ для слѣдующей борьбы.

И здѣсь надо подчеркнуть еще одинъ недостатокъ прошедшихъ выборовъ, а именно, полное отсутствіе сознательнаго отношенія къ столь важному дѣлу. Во всемъ ходѣ выборовъ, отъ начала и до конца ихъ, мы играли роль чисто пассивную: послѣдовало распоряженіе явиться—мы слѣхались; намъ сказали: голосуйте за этихъ именно—мы голосовали. Ни предвыборныхъ собраній, на которыхъ-бы выяснено было направленіе намѣченныхъ кандидатовъ, ни даже пастырскаго сѣзда для обсужденія общаго плана дѣйствій,—ничего этого у насъ не было. Въ настоящее-же время, когда народная масса съ удивительной быстротой начинаетъ ориентироваться въ текущихъ общественныхъ положеніяхъ,—теперь и сѣрый хлѣборобъ, даже и тотъ подходилъ къ избирательной урнѣ съ нѣкоторой освѣдомленностью и сознательнымъ отношеніемъ къ дѣлу. Мы же... были какъ въ потемкахъ; мы, которые въ силу одного уже своего положенія должны быть хорошо освѣдомлены въ этомъ, принявшемъ столь острый характеръ для нашего времени, дѣлѣ, дабы и для другихъ освѣщать тусклую храмину нашей общественной жизни.

Если судить по нашей роли въ настоящемъ дѣлѣ, то серьезно можно опасаться того, что какъ-бы ни расширялись права російскаго обывателя, мы, духовенство, относительно признанія своей гражданственности между другихъ сословій всегда будемъ „пасти задняя“.

Останавливаетъ на себѣ вниманіе и то обстоятельство, что въ описываемомъ случаѣ духовенство привлекалось къ голо-сованію за крайнихъ правыхъ. Насколько этотъ фактъ со-вмѣстимъ съ опубликованнымъ въ нашемъ офиціозѣ поло-женіемъ, что духовенство должно стоять „внѣ партій“? Не представляется-ли роковою ошибкой такого рода направленіе общественной дѣятельности нашего сословія въ виду замѣча-емой нынѣ настроенности, а иногда даже и озлобленія про-тивъ духовенства народныхъ массъ? *).

Замѣчаемая нынѣ отчужденность народныхъ массъ отъ своихъ духовныхъ руководителей составляетъ чуть-ли не са-мое больное мѣсто въ приходскомъ вопросѣ. Возникновеніе многочисленныхъ проэктовъ будущаго прихода было отчасти слѣдствіемъ нынѣшняго неурегулированнаго отношенія между пасомыми и клиромъ. Но сколько ни выработается уставовъ о приходскихъ собраніяхъ, совѣтахъ *et cetera*..., но сами эти правила нисколько не улучшатъ положенія, если не возник-нетъ искренней, сердечной, тѣсной связи между нами и на-шими духовными дѣтьми. А можетъ ли она, эта связь, и появиться, если всею дѣятельностью въ дѣлахъ обществен-ныхъ мы разрушаемъ то, о возстановленіи чего хлопочуть ревнителі обновленія церковно-общественной жизни? Это все равно, какъ если-бы одной рукою обрывать корни у того ра-стенія, которое другою мы стараемся утвердить въ почвѣ... Если для духовенства наиболѣе подходящее положеніе въ партійной боробѣ „безпартійность“, то что же насъ толкаетъ на столь роковой путь?

Просыпается доселѣ дремавшій умъ селянина, и никакими софизмами не усыпите пробуждающагося въ немъ самосо-знанія!

Святель нашъ и кормитель доселѣ безропотно оставлялъ на нашу долю пользоваться благими результатами его тяже-

*) На происходившихъ въ томъ-же городѣ выборахъ отъ мелкихъ землевладѣльцевъ имѣлъ мѣсто такого рода случай. Баллотировался нѣкто М. Выборы (шарами) идутъ нормальнымъ ходомъ до тѣхъ поръ, пока въ толпѣ не выяснилось, что этотъ М.—іерей.—Мы думали, что М.—си-дѣльщикъ, а якъ се батюшка, то не треба его, не треба!...

лыхъ трудовъ; но недалеко ужъ, кажется, то время, когда онъ потребуеть расчета со своими должниками... И грозень будетъ часъ расплаты!.

Г. *Филанскій*.

Засѣданіе Церковнаго Историко-археологическаго Комитета.

Засѣданіе Полтавскаго Церковнаго Историко-археологическаго Комитета, происходившее 15 февраля, было особенно многолюдно. Присутствовали Преосвященнѣйшіе Іоаннъ и Ѳеодосій, игуменія Красногорскаго монастыря Нонна, члены Совѣта Комитета, немало прежнихъ и новыхъ членовъ Комитета. Снова поднятъ былъ вопросъ о покупкѣ Комитетомъ церковно-археологическаго памятника Роменской, Покровской церкви. Изъ доклада К. В. Мощенко, имѣвшаго отъ Комитета специальную командировку по данному вопросу въ Ромны, выяснилось, что прихожане хотятъ получить за церковь 4,800 рублей. Конечно, эта сумма, особенно если прибавить къ ней то, что пойдетъ на перенесеніе церкви, непомерно велика для Комитета. Рѣшено поэтому обратиться къ монастырямъ, церквамъ, духовенству и благотворителямъ епархіи съ просьбой принять своими жертвами участіе въ этомъ дѣлѣ, помочь тому, чтобы этотъ старый храмъ, являющійся вмѣстѣ со своимъ иконостасомъ лучшимъ памятникомъ стариннаго малороссійскаго церковнаго зодчества и искусства, былъ сохраненъ и устроенъ въ главномъ городѣ мѣстнаго края на такомъ прекрасномъ и удобномъ мѣстѣ, какимъ является дворъ архіерейскаго дома (именно та площадь, на которой недавно помѣщалась временная церковь). Вмѣстѣ съ тѣмъ члены Комитета просили присутствовавшаго въ засѣданіи церковнаго старосту Роменской Покровской церкви Т. П. Скорохода передать причту и прихожанамъ о необходимости понизить требуемую за церковь сумму такъ, чтобы и съ ихъ стороны была принесена *жертва* задуманному Комитетомъ благому дѣлу.

Въ томъ же засѣданіи избранъ былъ почетнымъ членомъ Комитета Полтавскій губернаторъ, камергеръ Высочайшаго Двора В. В. Князевъ, благожелательно расположенный къ дѣятельности Комитета, и выслушанъ былъ рефератъ чле-

на—дѣлопроизводителя Комитета В. А. Пархоменко на тему „Исторія іерархіи Переяславской епархіи за время съ 1733 по 1757 г.г.“

Изъ пережитого.

(Окончаніе).

III.
Почти въ центрѣ губернскаго города N возвышается зданіе духовной семинаріи.

Изящный, довольно большой бѣлый корпусъ окруженъ повенькой, свѣже выкрашенной въ зеленый цвѣтъ оградой. Внутри ограды живописными рядами разсажены вокруг зданія маленькія деревца для будущаго семинарскаго сада.

Быль вечеръ—теплый влажный майскій вечеръ. Последніе лучи заката играли и переливались на открытыхъ окнахъ корпуса.

На улицу вырывался смѣшанный гулъ вечернихъ занятій. Наступили сумерки. Вся семинарія вдругъ вспыхнула разноцвѣтными огнями. То зажглись недавно введенныя для освѣщенія электрическія лампочки.

Бѣлый, желтый, зеленый, голубой свѣтъ по цвѣту ламповыхъ стеколъ скрещивался и перемѣшивался, такъ что издали семинарія представлялась роскошно иллюминированной.

Просторныя свѣтлыя занятныя наполнены воспитанниками. Семинаристы часто сидятъ за партами, часто группами и поодионокѣ разгуливаютъ по классу съ учебниками въ рукахъ, громко подзубривая урокъ, или оживленно болтая между собою. Нѣкоторые смѣльчаки исподтишка покуриваютъ спрятанныя въ рукавѣ папирасы, боязливо вздрагивая и пряча ихъ при каждомъ скрипѣ входной двери. Кое гдѣ подъ шумокъ брещитъ гитара, трелькаетъ балалайка.

Вдругъ раздалось: тс—ссс....., и въ занятой моментально воцарилось молчаніе. Дверь со скрипомъ отворилась, и въ классъ вошелъ надзиратель—маленькій толстякъ съ багровымъ упитаннымъ лицомъ.

Какъ-то неуклюже сидѣлъ на немъ вицмундиръ; походка отличалась медвѣжьей неповоротливостью, — каковыя черты ясно указывали на недавно окончившаго семинариста. На толстомъ вишневаго цвѣта носу вздрагивало въ ежеминутной опасности свалиться огромное позолоченное пенсне, которое достопочтенный семинаристъ счелъ своимъ долгомъ завести для пущей важности, при вступленіи въ должность воспитателя. Въ рукахъ видѣлись знаки облекавшей его власти — записная книжка и толстый красный съ синимъ карандашъ, зажатый между двумя пальцами правой руки. При входѣ надзирателя всѣ поднялись, и снова усѣлись по милостивому наклоненію головы.

„Ну—съ“, сказалъ онъ, смѣривъ грознымъ взоромъ воспитанниковъ, когда все смолкло: „ну—съ, теперь приступимъ“.

Надзиратель раскрылъ записную книжку, долго смотрѣлъ туда, словно что то обдумывалъ, затѣмъ снова закрылъ ее.

„Да—съ“! сказалъ онъ по возможности громко: „да—съ“, продолжалъ онъ, постепенно возвышая голосъ: „нѣкоторые изъ воспитанниковъ семинаріи позволяютъ себѣ измѣнять долгу воспитанника“.

Проговоривъ сію фразу, надзиратель снова обвелъ начальническимъ взоромъ толпу, желая убѣдиться въ дѣйствиіи своихъ словъ.

„Да—съ“, продолжалъ онъ голосомъ, переходящимъ въ крикъ: „кто это осмѣлился позволить себѣ играть во время вечернихъ занятій на балалайкѣ“?

Въ занятой царило гробовое молчаніе.

„Я спрашиваю, кто игралъ на балалайкѣ“?

Собраніе заволновалось. Посыпался негодующій ропотъ по адресу воспитателя.

„А, такъ Вы не хотите сказать?!... Тогда я и самъ найду!... Я самъ былъ въ семинаріи и превосходно изучилъ всѣ эти штуки!!!...“ рычалъ, задыхаясь отъ гнѣва, надзиратель, пряча атрибуты своей власти въ боковой карманъ вицмундира и быстрымъ властнымъ шагомъ направляясь къ партамъ.

— Асклиподотъ Трифоновичъ! Довольно! Мы этого не потерпимъ!... слышались негодующіе голоса.

Воспитатель побагровѣлъ.

„А... Это бунтъ!... Я сейчасъ-же доложу ректору!!!.....“
храпѣль онъ.

Моментально наступила тишина.

Воспользовавшись благоприятнымъ моментомъ, надзиратель ринулся „на камчатку“ и вытащилъ изъ подъ одной парты балалайку.

„А—га—га! Вотъ оно что!—побѣдоносно заораль онъ, тыча балалайкой въ грудь ея владѣльцу. Воспитанникъ стоялъ блѣдный, съ трясущейся головой и поблѣвшими губами.

— Аскк...ли..ин... пытался онъ вымолвить слово.

„Т—ъ! протянулъ, успокаиваясь, надзиратель: „и зачѣмъ это Вы играли на балалайкѣ?“

Семинаристъ молчалъ.

„Асклиподотъ Трифоновичъ! Простите ему, онъ больше не будетъ,—взмолились за него товарищи.

Воспитатель какъ-то страшно поглядѣлъ на нихъ.

„Такъ Вы больше не будете этого дѣлать?“ обратился онъ къ преступнику. Страдалецъ промычалъ что-то невнятное въ отвѣтъ.

„Ну, ладно—ладно; только помните,—это въ послѣдній разъ“, сказалъ воспитатель, окончательно успокоившись и занеся фамилію пострадавшаго въ „кондуитъ“.

Товарищи благодарили воспитателя, не замѣтивъ его хитрости. Однако пострадавшій воспитанникъ не былъ такимъ простакомъ, чтобы не заподозрить двоедушія надзирателя.

— Что это Вы записываете, Асклиподотъ Трифоновичъ?—неожиданно спросилъ онъ.

„Это... это я на память для себя... чтобы помнить, любите-ли Вы сдерживать данное слово?—смѣшавшись, сказалъ толстякъ. Затѣмъ онъ отошелъ на средину класса—свое законное мѣсто и, принявъ прежній грозный видъ, снова посмотрѣлъ въ записную книжку.

„Алякринскій!“ выкрикнулъ онъ, поднимая глаза.

Никто не откликнулся.

„Алякринскій!“ повторилъ воспитатель.

Та-же тишина.

Гдѣ это Алякринскій? и грозно подступилъ къ партамъ тол-

стякъ, снова начиная багровѣть.—„Вѣроятно, въ „кабинетѣ задумчивости“,—подшутить кто-то съ камчатки.

„Что это за высокопарныя слова?“ вспылил надзиратель. „Ладно“, продолжалъ онъ съ ужасающимъ хладнокровіемъ: „позовите его ко мнѣ, когда онъ воротится; мы съ нимъ побесѣдуемъ наединѣ!“ И зловѣще улыбувшись, воспитатель быстро вышелъ, сильно хлопнувъ дверью.

По уходѣ надзирателя въ классѣ снова возобновились смѣхъ, говоръ и шутки.

— Вытурять тебя, Цезаревъ,—сочувственно говорили одни пострадавшему.

— Ничего, пустяки! Не выдадимъ! Никто тебя пальцемъ не тронетъ,—подмигивая, утѣшали его другіе.

„Да кстати: гдѣ въ самомъ дѣлѣ этотъ Алякринскій?“ недоумѣвали нѣкоторые.

— Дуракъ, не знаешь!—говорили другіе:—извѣстно гдѣ! либо пьянь, либо еще только нализуется!.

„Ха-ха!“ захохотали нѣкоторые.

— Чего грохочешь,—говорили другіе:—думаешь, ты лучше Аенногена? У тебя—запилъ человѣкъ, такъ, значить, онъ уже не человѣкъ, а животное!... Дрянъ же ты послѣ этого?

„Это кто-же дрянъ?“

— Вы—Ваше Превосходительство!—

„А рожа-то у тебя цѣла?!...“

— Почище Вашей!

„Слушай; ой, потише!“ горячится противникъ; ой! рожу растворю, зубы на зубы помножу!...“

— Это кто-же?... Не ты-ли?... фръ!!!...“

Баць въ ухо!... Баць въ затылокъ!... И пошла потасовка.

На площадкѣ четвертаго этажа семинарскаго зданія, между лѣстницей и чуланами, расположилась компанія семинаристовъ. Передъ ними стояло двѣ бутылки водки, нѣсколько сухихъ тараней для закуски. Семинаристы поспѣшно пили одной большой толстодонкой чаркой, закусывая и перебрасываясь отрывочными фразами. Одинъ изъ нихъ, толстый малый съ коцною торчащихъ волосъ наливалъ и подносилъ чарки.

Это была извѣстная всей семинаріи компанія, иначе на-

бгасмая „публикой“. Алякринскій, Вертыгузъ, Скалозубъ и Коповицкій были ея постоянными и непремѣнными членами. Публика эта прославилась въ семинаріи, какъ сборище безпросыпныхъ пьяницъ, отчаянныхъ удалцовъ, за бутылку водки способныхъ на какое—угодно дѣло. Предлогомъ для попойки было всякое ничтожное семинарское событіе, которое они спѣшили „полить“. Больше-же всего справляли именины какого—нибудь изъ своихъ членовъ.

Если не было какого-либо праздника, то одинъ изъ членовъ, у котораго какимъ-либо чудомъ завелась копѣйка, принималъ на себя роль именинника, и угощалъ всю компанію. Пили они въ воскресенье, пили въ понедѣльникъ, во вторникъ—и такъ далѣе въ продолженіи всей недѣли.

Несмотря на праздничное настроеніе кутить, видъ у нихъ былъ далеко не праздничный. Въмѣсто мундировъ и панталонъ на нихъ висѣли какія-то лохмотья, такъ какъ всю приличную одежду они давнымъ давно перевели на деньги, а деньги на водку.

Публика частенько какъ-то незамѣтно ускользала отъ уроковъ, и отсутствіе ея замѣчалось только тогда, когда преподавателю приходила въ голову блажь вызвать кого-нибудь изъ ея членовъ для потѣхи. Всѣ педагоги семинаріи не ставили публикѣ больше единицы или двойки въ журналахъ. Сначала пытались образумить ихъ увѣщаніемъ, затѣмъ строгими наказаніями.

Но всѣ эти благоразумныя затѣи ударялись о публику, какъ мячъ о каменную стѣну, и такъ-же плавно и быстро отскакивали отъ нея. Долго билось начальство, но наконецъ умыло руки, и съ истинно-христіанскимъ терпѣніемъ стало ожидать конца учебнаго года, чтобы сразу, однимъ взмахомъ покончить съ публикой, разомъ вытурить всѣхъ „непремѣнныхъ членовъ“ изъ семинаріи. Каждый изъ публики сознавалъ это, и потому теперь, къ концу учебнаго года пирушки удесятились, видимо переживая послѣдній фазисъ своего существованія.

„И вотъ братцы мои“, говорилъ Алякринскій, пробуя шестую или седьмую рюмку: „пишу я батькѣ: присылай, моль, денегъ; вышло, значить, распоряженіе начальства,

что бы каждый воспитанник имѣлъ запасный мундиръ и запасную шинель. И что-бы Вы думали?...

Присылаетъ мнѣ батька цѣлую кучу сукна вмѣсто денегъ; думаетъ, значить, чтобы не пропилъ. Да нѣтъ, меня не проведешь! Снесъ я сукно это жиду по частямъ и выручилъ отъ процажи цѣлыхъ двѣнадцать рублей! Ха—ха! Славно—а?... == хохоталъ рассказчикъ.

— Не дурно, молодецъ!—похвалила компанія.

„И вотъ на эти капиталы я и угощаль Васъ“, заключилъ рассказчикъ.

Слушатели захохотали.

„Да здравствуетъ именинникъ!“ хоромъ закричали они, чокаясь съ нимъ и опорожня чарки.

— Славно, ей-Богу, славно,—говорилъ Скалозубъ, грызя сухую тарань:—а еще лучше-бы было, если-бы тутъ фунтикъ хорошенькихъ конфетъ.

„Вотъ тоже выдумаль“, удивилась компанія: „на какого чорта тебѣ конфеты?“

— А вотъ на что—медленно проговорилъ Скалозубъ, точно предвкушая заранѣе эффектъ своей будущей фразы:—вотъ на что: я бы выпилъ одинъ бутылку водки, закусывая только конфетами.

„Ну, то ты, положимъ, врешь“, слышались голоса.

— А вотъ посмотримъ,—продолжалъ, гордо поднимая голову Скалозубъ:—кто хочетъ завтра поставить мнѣ бутылку водки и фунтъ конфетъ? Если я выпью водку, закусывая только конфетами, то Вы ставьте мнѣ еще бутылку; если-же нѣтъ, —я берусь поставить для компаніи двѣ бутылки водки,—идеть что-ли?

„Идеть“, сказалъ Алякринскій, протягивая ему руку и позвякивая мелочью въ карманѣ.

— Ну, это пустяки,—сказалъ Вертыгузъ, до сихъ поръ молчавшій:—а вотъ какъ мнѣ разъ пришлось въ N—ской семинаріи: мы въ одинъ вечеръ выпили вдвоемъ двадцать семь бутылокъ пива....

— Кстати, скажи пожалуйста,—замѣтилъ Алякринскій:—во сколькихъ семинаріяхъ ты перебивалъ?

„Это третья“, съ гордостью отвѣчалъ Вертыгузъ: да скоро,

вѣроятно, и отсюда выпрутъ“.

Товарищи съ нѣкоторымъ страхомъ и благоговѣніемъ внимали его словамъ.

— Значить, тебя уже изъ двухъ семинарій выгоняли?—спросилъ Коповицкій.

„Ты говоришь, какъ библія“, самодовольно сказалъ Вертыгузь.

— А не расскажешь-ли намъ что нибудь изъ своихъ похожденій?—попросилъ Алякринскій.

„Да долго рассказывать“.....

— Ну, хоть Расскажи, за что тебя выгоняли,—просила публика.

„Ладно“, сказалъ Вертыгузь, задумчиво выпивая чарку, поднесенную Алякринскимъ для очищенія глотки.

„Это“, говорилъ онъ, „было, когда я еще былъ въ первой семинаріи. Тогда еще былъ у меня одинъ товарищъ—славный малый. И вотъ, ходили мы съ нимъ потихоньку въ пивныя, и пили себѣ помаленьку. Ну, словомъ—все шло хорошо до времени. Только разъ пошли мы съ нимъ далеко на окраину города въ новую пивную, въ которой мы еще ни разу не пили.

Вотъ, сѣли мы съ нимъ за столъ, и потребовали, какъ водится, полдюжины. Пиво хорошее, холодное. Выпили мы, смотримъ, еще рано; потребовали еще. Только послѣ второй полдюжины и говорятъ мнѣ товарищъ: „ой, плохо, Терентій! Будетъ пить. Намъ, вѣдь, далеко возвращаться, да и начальство можетъ спалать по дорогѣ“. А я ему: „да полно тебѣ. Тоже сталъ глупости выдумывать“!

— Ой, пойдемъ,—говорить:—чувствую, что бѣда будетъ.

Тутъ и крикнулъ я на него: „Вотъ, баба еще“, кричу: „ты-бы хоть меня постыдился говорить такія слова. Ну что, повредить тебѣ лишняя бутылка пива?!“...

Ну, убѣдилъ я его. Остались мы, и выпили еще полдюжины. Только смотрю я, склоняется мой Ксенофоша на столъ, а потомъ вдругъ положилъ голову и захрапѣлъ.

Вижу, плохо дѣло. Нализался чортъ до положенія ризъ! Бужу его, ругаю, по мордѣ луплю, а самъ думаю: бросить, или не бросить? Постыдился я такъ подло поступить съ товарищемъ,—позвалъ извощика. Извалили мы его на про-

летку, грузный былъ верзила, сълъ и я, говорю извощику: — гони въ семинарію.

Извощикъ посмѣивается себѣ въ бороду; однако поѣхали. Ёдемъ мы, а я въ душѣ молю Бога, чтобы какъ-нибудь избѣжать начальства. Клятву даю не пить больше, если обойдется благополучно. А тутъ и солнце зашло, сумерки сгущаются. Авось, думаю, какъ нибудь проскочимъ. Доехали мы до самой семинаріи безъ всякихъ приключеній. Дорогою и Ксенофоша очухался, сълъ и поводитъ мутными глазами. Я смѣюсь надъ нимъ, а самъ осматриваюсь по сторонамъ. Подѣхали къ семинаріи. Извощикъ остановился. Стали мы слѣзать, какъ вдругъ отворяется дверь, и навстрѣчу намъ шастъ самъ ректоръ!... Вотъ положеніе!...

Только идемъ мы мимо него, пошатываясь и поддерживая другъ друга. Смотрѣлъ онъ, смотрѣлъ на насъ, а потомъ и говорить: „что это Вы, господа, словно танцуете? Отчего это Вамъ такъ весело?“. Молчимъ мы — сердешные, ажно поджилки подъ колѣнями свело. Наклонился къ намъ ректоръ и носъ зажалъ руками. „Фу“, кричить: „вотъ наперлись, безсовѣстные! = Стоимъ мы, а монахъ такъ и прыгаетъ, такъ и бѣсится вокругъ насъ. „Вонъ, въ больницу!“ закричалъ, а самъ побѣжалъ въ Правленіе. Вотъ послѣ этого и началъ онъ острить на насъ зубы. А тутъ еще у одного изъ моихъ одноклассниковъ пропала шинель, — ну, и взвели на меня, — хотя, видить Богъ, я и по сіе время не знаю, кто взялъ эту проклятую шинель, и точно-ли она пропала?“... съ горечью сказала Вертыгузъ, махнувъ рукою въ пространство „и только послѣ случая съ шинелью насъ съ Ксенофосей и вытурили... Ето-то за что, до сихъ поръ не могу этого понять“, заключилъ онъ, выпивая новую чарку.

Всѣ помолчали. Какъ-то не по себѣ чувствовала себя „публика“. Быть можетъ, они почувствовали отголоски угрызений совѣсти подъ вліяніемъ разсказа? Быть можетъ, они ужаснулись той бездны грубѣйшаго цинизма и отрицанія, такъ неподходящихъ къ ихъ юному возрасту, и такъ безраздѣльно сковавшихъ ихъ души? Кто знаетъ?...

— Ну, а изъ другой семинаріи? — сказалъ Алякринскій какимъ-то чуждымъ ему голосомъ. Вертыгузъ встрепенулся.

„Изъ другой?“ переспросилъ онъ: „изъ другой меня выгнали совсѣмъ по другимъ причинамъ“, сказалъ онъ, улыбаясь своимъ мыслямъ? „долго рассказывать. Скажу только, что выгнали меня за одну гимназисточку. А славная, право, была дѣвочка“...

Кто-то торопливо сбѣжалъ къ нимъ по лѣстницѣ. Публика испуганно засуетилась.

„Алякринскій! Тебя звалъ Асклиподотъ! Иди скорѣй!“ запыхавшись, сказалъ пришедшій семинаристъ.

— Подожди, нейди, сказалъ Вертыгузъ:—мы сейчасъ пошлемъ за мятными каплями, чтобы не несло водкой...!

— А ну,—махнулъ рукою Аѣнногенъ:—дайте ему чарку водки, а я пойду... и онъ сбѣжалъ съ лѣстницы.

— Вотъ дурница-то,—буркнулъ вслѣдъ ему Вертыгузъ, поднося гостю чарку водки.

Алякринскій, спотыкаясь по дорогѣ, пошелъ прямо въ квартиру надзирателя. Асклиподотъ Трифоновичъ сидѣлъ передъ столомъ въ разстегнутомъ вицмундирѣ и медленно, большими глотками отпивалъ чай изъ большого стакапа съ посеребреннымъ подстаканникомъ, тяжело посапывая и отдуваясь послѣ каждаго глотка.

„Здрасте, Аскилиши.. Трифоновичъ“, заплетающимся языкомъ проговорилъ Алякринскій, входя въ комнату и спотыкаясь на первый попавшійся стулъ. Онъ видимо бравировалъ всего опасностью своего положенія.

— Ну-съ,—величественно поднимаясь и застегивая вицмундиръ началъ надзиратель, но вдругъ притворно зачихалъ и зафыркалъ, отпрыгнувъ въ уголь комнаты.

— О, безстыдство человѣческое!—возопилъ онъ, воздѣвая къ небу руки:—но какъ Вамъ не стыдно, какъ не совѣстно въ такомъ видѣ врываться въ комнату своего начальства!... Фу, какъ Вы натрескались этой мерзости!... И это семинаристъ!.. О, Боже мой, Боже мой!.. плакался онъ, поднявъ глаза къ потолку:—и ты терпишь на свѣтѣ такихъ людей!!!...

Алякринскій молча стоялъ предъ начальствомъ.

— Ну, зачѣмъ Вы сюда втащились? вопилъ надзиратель.

„Вы меня звали,—я явился“, холодно сказалъ Алякринскій.

— Знаете, что я Вамъ скажу, наглый человѣкъ!—освирѣ-

пѣль вдругъ надзиратель:—убирайтесь сейчасъ-же, сударь, отсюда, хоть къ чорту,—а выпавшись, пожалуйста въ Правленіе дать отчетъ въ своемъ поведеніи!

Алякринскій поклонился и тою-же колеблющейся походкой вышелъ изъ комнаты. Надзиратель безсильно упалъ на стулъ. Лицо его вдругъ преобразилось, стало добрымъ, мягкимъ, по серьезнымъ.

— Ужъ я—ли не спускаю имъ, смотрю сквозь пальцы на ихъ проступки, и только для виду заносу въ кондуитъ,—шепталъ онъ, допивая чай:—нѣтъ, придется заявить объ этомъ субъектѣ. Онъ положительно невыносимъ. Онъ испортитъ у меня всю семинарію. Да, придется пожертвовать однимъ для предостереженія прочихъ,—рѣшилъ онъ, застегиваясь и выходя изъ комнаты.

„Ура“ кричалъ Алякринскій, вбѣгая по лѣстницѣ на площадку, гдѣ публика допивала водку; „интересную новость я узналъ!“.

— Ну, ну—говори,—заинтересовалась публика.

„Рѣшено исключить меня изъ семинаріи“, выпалилъ Алякринскій. Публика остолбенѣла, удивляясь веселому виду товарища.

— Вотъ осель,—пробурчалъ Вертыгузъ;—чему-же тутъ радоваться? Его выгоняють, а онъ танцуетъ!—„Самъ ты осель, да еще и длинноухій!“, крикнулъ вдругъ Алякринскій и лицо его сморщилось, точно у обиженнаго ребенка: „что-же мнѣ, плакать, по твоему, что-ли? Плакать по своей глупости? Вѣдь вы, проклятые, довели меня до этого!!!—

Онъ вдругъ истерически зарыдалъ и быстро побѣжалъ внизъ по лѣстницѣ.

— Дуракъ,—хладнокровно сказалъ Вертыгузъ, наливая себѣ и товарищамъ:—пьемъ, публика, что-ли.

Но публика молча одинъ за другимъ поднялась и разошлась, унося смущеніе и неопредѣленную тоску въ сердцѣ.

Вертыгузъ расхохотался вслѣдъ уходящимъ и принялся на свободѣ доканчивать недопитое и недоѣденное.

Быль одиннадцатый часъ ночи. Несмотря на поздне время въ семинарской спальнѣ далеко еще не расположены были ложиться спать.

Толпа семинаристовъ разбилась на нѣсколько группъ вокругъ небольшихъ спальныхъ столиковъ, за которыми шла азартная карточная игра. Играли въ стуюлку, преферансъ, девятый валъ, и многія другія игры, которыхъ названія трудно запомнить, не зная самой игры. Но послышался свистокъ сторожа, предупреждавшій, что идетъ начальство для ночной провѣрки,—и мгновенно все стихло. Огни потухли, воспитанники разбѣжались по койкамъ, и только густой, черезчуръ громкій храпъ указывалъ на присутствіе семинаристовъ въ спальнѣ. Въ противоположномъ углу коридора показалась темная фигура надзирателя съ зажженной свѣчей въ рукахъ. Надзиратель осторожно подвигался между передними рядами коекъ, опасливо оглядываясь по сторонамъ, чтобы не получить здороваго удара портянки по затылку. Это случалось довольно часто, когда надзиратель, увлеченный повѣркою, нагибался надъ какой-нибудь койкой. Тогда кто-то хлопалъ его портянкой по затылку и со всѣхъ ногъ удиралъ въ противоположный конецъ спальни. Ошеломленный и возмущенный до глубины души надзиратель быстро оборачивался, но въ темнотѣ не могъ различить не только лица, но даже фигуры улепетывающаго нахала. Кругомъ слышался сдержанный смѣхъ спящихъ, и начальство уходило вспять, въ высшей степени переконфуженное и раздосадованное.

Алякринскій лежалъ на кровати, не раздѣвшись и широко открывъ глаза. Онъ думалъ—о чемъ, и самъ не могъ-бы этого опредѣленно сказать. Въ головѣ его проносились обрывки мыслей. Онъ думалъ о томъ невозвратномъ, недавно минувшемъ времени, когда онъ былъ еще чистымъ, непорочнымъ мальчикомъ. Ярко проходитъ передъ его глазами пребываніе въ духовномъ училищѣ.

Послѣ первой экзекуціи онъ весь въ слезахъ кинулся къ старичку—инспектору и пожаловался ему на своихъ обидчиковъ. Добродушный инспекторъ принялъ его сторону и сдѣлалъ бурсакамъ строгій выговоръ, посадилъ перваго обидчика въ карцеръ. Но наединѣ онъ предупредилъ Финнкешу, что въ училищѣ не принято жаловаться начальству на своихъ товарищей, что это называется фискальствомъ; чтобы онъ терпѣлъ, учился, и старался сжиться со своими новыми то-

варищами. Финкеша вышелъ отъ него въ смущеніи и недоумѣніи. Онъ никакъ не могъ не только понять, но даже и представить себѣ, какъ это ему нельзя пожаловаться, если его обижаютъ. Не можетъ-же онъ всѣхъ побороть своими силами, и завоевать себѣ авторитетъ, разсуждалъ онъ весьма резонно самъ съ собою. Не могъ онъ понять и усвоить себѣ простой истины, что право сильнаго—великая сила въ училищѣ; что тутъ нужно по возможности пользоваться обстоятельствами и настроеніями толпы, чтобы повернуть ея расположеніе въ свою сторону, если на это не хватало физической силы. Онъ не могъ понять, какъ это можно обижать его, если онъ никого не трогаетъ,—словомъ, рѣшительно не подаетъ къ этому никакого повода. Весьма естественно, что съ такимъ міровоззрѣніемъ жизнь въ училищѣ не могла быть для него сладкою.

Любимымъ его занятіемъ было сидѣть въ отдаленномъ углу и цѣлыми часами мечтать о родителяхъ, о родномъ дѣмѣ, о своихъ первыхъ дѣтскихъ радостяхъ и развлеченіяхъ. И тогда предъ его дѣтскимъ умственнымъ взоромъ вставала неразрѣшимая проблема. Онъ спрашивалъ, зачѣмъ его отдали въ такое училище, гдѣ жизнь протекаетъ не въ ученіи, а въ мученіи? Зачѣмъ отдалъ его сюда отецъ, который самъ тутъ учился, и самъ испыталъ подобное? Наконецъ, если это неизбежно, то зачѣмъ-же не улучшать духовную жизнь ученика; почему не обращаютъ вниманія на другія стороны его воспитанія помимо преподаванія наукъ? Какъ это ребенка въ такомъ возрастѣ предоставляютъ самому себѣ, безъ малѣйшаго призорія, подъ наблюденіемъ формальныхъ, законныхъ воспитателей, смотрящихъ строго затѣмъ, чтобы ученикъ побольше сидѣлъ за книгой, да не бѣгалъ безъ разрѣшенія въ городъ?

Много вопросовъ вставало въ его умѣ, по большей части недоступныхъ его дѣтскому соображенію. И некуда было обратиться за утѣшеніемъ, за разъясненіемъ.

Нѣсколько разъ онъ заходилъ къ инспектору, который, добродушно улыбаясь и взявъ его за подбородокъ, спрашивалъ обыкновенно, много-ли онъ получилъ двоекъ, подолгу-ли сидѣлъ въ карцерѣ?

Вертѣвшійся на устахъ ребенка вопросъ невольно замиралъ, онъ бормоталъ нѣсколько несвязныхъ словъ и поспѣшно съ отчаяніемъ уходилъ.

Сначала онъ заливался слезами на приставаыя товарищей, затѣмъ усвоилъ себѣ дикій, неприступный видъ, такъ что его и звали не иначе, какъ „буйволомъ“, или „Абдуломъ—кровопійцей“, что вычиталъ какой-то бурсакъ въ одномъ изъ лубочныхъ изданій.

Мало-по-малу Финикешу почти оставили въ покоѣ, но продолжали чуждаться его, какъ зачумленнаго. Хотя онъ почти никогда не жаловался начальству съ первой злосчастной экзекуціи, о немъ иначе не говорили, какъ о фискалѣ или доносчикѣ. Такъ прошло нѣсколько лѣтъ пребыванія въ духовномъ училищѣ. Финикеша попрежнему сторонился товарищей, весь ушелъ въ учебники, и сразу опередилъ своихъ соперниковъ по ученію. Когда ему выдали первую награду за успѣхи, товарищи устроили ему настоящее побоище, указывая на его отца, что онъ подмаслилъ сотней начальство, чтобы сынку выдали награду...

Семинарская обстановка при вступленіи сразу поразила и очаровала Финикешу. Тутъ онъ какъ-бы въ первый разъ вздохнулъ свободно. Фискалы и буйволы отошли въ область преданій. Началась настоящая товарищеская жизнь. Но не видавшій свѣту въ духовномъ училищѣ Финикеша слишкомъ увлекся сравнительной семинарскою свободой и, какъ намъ извѣстно, попалъ въ тѣсный кружокъ „публики“.

Сначала онъ очень увлекался идеями безпросыпнаго пьянства, удалства и бравированіемъ всѣми Божескими и чело-вѣческими законами этого кружка; но потомъ мало-по-мало глаза его стали раскрываться. Когда онъ ясно разглядѣлъ всѣ ужасы той бездны, которая разверзлась подъ его ногами, было уже поздно; отступленіе невозможно. Онъ неудержимо катился внизъ, и паденіе было неизбѣжно. Какъ извѣстно, исключеніе его изъ семинаріи было уже предрѣшено. А что скажутъ отецъ, мать? Алякринскій хорошо помнилъ наказъ отца, когда тотъ отправлялъ его въ ученіе...

Около койки Алякринскаго показался огонекъ свѣчки надзирателя. Толстякъ подошелъ къ нему.

„Что это Вы не раздѣваетесь?“ строго сказала онъ, но умолкъ, узнавъ Алякринскаго.

Онъ подѣлъ къ нему.

„Слушайте, Алякринскій, говорилъ толстякъ: „и какого только черта Вы продѣживаете всѣ эти штуки?“

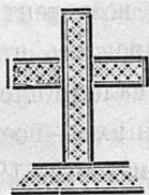
Вѣдь, слава Богу, Вы не маленькій. И какое только удовольствие Вамъ пить такую гадость? Положительно не понимаю!..

Надзиратель вдругъ зашнулся, растерянно поглядѣвъ на Алякринскаго. Тотъ сердито обернулся къ нему спиной и ничего не отвѣчалъ. Надзиратель пожалъ плечами и всталъ, чтобы продолжать свой ночной обходъ.

Алякринскій снова повернулся на спину, когда огонекъ надзирателя скрылся вдали. У него сильно трещала голова. Много заглушенныхъ вопросовъ и упрековъ самого себя тѣснилось у него въ головѣ.

„Э—эхъ! Да не все-ли равно“, прошепталъ онъ и поудобнѣ улегся, пытаясь уснуть. Но сонъ не шелъ къ нему, и только къ утру онъ слегка задремалъ подъ равномерный храпъ давно покоившейся семинарской спальни.

Г. Барзиловичъ.

НЕКРОЛОГЪ.

Діаконъ Іоаннъ Анатоліевъ Дейнека.

27 іюня прошлаго 1906 года, въ селѣ Пасковщинѣ, Прилукскаго уѣзда послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни мирно отошелъ къ Богу діаконъ села Мажорки, Константиноградскаго уѣзда, Іоаннъ Анатоліевъ Дейнека.

Почившій, сынъ псаломщика, родился въ селѣ Великой-Дѣвицѣ, Прилукскаго уѣзда. Еще будучи мальчикомъ, онъ лишился отца и остался на попеченіи матери, которая и воспитывала его, сначала въ Роменскомъ духовномъ училищѣ,

потомъ въ Полтавской семинаріи, изъ 3 класса которой онъ и вышелъ по болѣзни. По выходѣ изъ семинаріи, почившій, въ числѣ многихъ другихъ, поступилъ на скромную должность псаломщика и учителя церковно-приходской школы, которую очень усердно и исполнялъ до самой смерти.

Самостоятельная жизнь на службѣ, такъ заманчивая для каждаго ученика во время пребыванія въ училищѣ, оказалась для почившаго, какъ и для всякаго другого, далеко не такъ привѣтливой на самомъ дѣлѣ, какъ нужно было ожидать. Молодая душа рвалась къ чему-то лучшему, видя вездѣ и во всемъ только лишь хорошія и свѣтлыя стороны, но жизнь и служба, освященная вѣковыми традиціями, дарили совсѣмъ иное. Почившему за десять лѣтъ пришлось перенести много непріятностей и огорченій по службѣ, пришлось переимѣнить нѣсколько приходовъ, въ поискахъ за лучшими условіями жизни и труда.

Въ послѣднее время почившій служилъ псаломщикомъ въ селѣ Мажоркѣ, Константиноградскаго уѣзда, гдѣ состоялъ и учителемъ въ церковно-приходской школѣ. Во время пребыванія въ Мажоркѣ служба его, безспорно полезная, какъ псаломщика регента и учителя церковно-приходской школы, была отмѣчена и высшимъ начальствомъ, такъ что въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1906 г. онъ былъ возведенъ въ санъ діакона. Къ сожалѣнію, не долго онъ прожилъ въ санѣ діакона.

Тяжелая учительская и псаломщическая служба, спѣвки въ сырыхъ и тѣсныхъ помѣщеніяхъ—все это надломило здоровье почившаго. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1905 года онъ заболѣлъ катаромъ легкиихъ и, несмотря на серьезное лѣченіе, болѣзнь прогрессируя привела его къ смертному одру. Еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ онъ чувствовалъ себя настолько оправившимся, что рѣшился принять санъ діакона, а 27 іюня его уже не стало, духъ оставилъ брренное его тѣло.

Погребеніе было совершено 29 іюня 1906 г. Послѣ почившаго осталась вдова съ тремя малолѣтними дѣтьми.

Миръ праху твоему, скромный и полезный труженикъ на нивѣ Христовой и нивѣ народнаго образованія.

19 февраля 1907 г.

С. М.

Библиографическая замѣтка.

„Труды Полтавской ученой архивной комиссiи“. Издано подъ редакціей действительныхъ членовъ комиссiи: П. Фр. Павловскаго, А. Ф. Мальцева, Л. В. Падалки и В. А. Пархоменко. Выпускъ третій. Полтава. 1907 г. цѣна 75 коп.

Содержаніе только что вышедшаго въ свѣтъ третьяго выпуска „Трудовъ Полтавской ученой архивной комиссiи“ интересно и разнообразно. Тутъ пять статей: 1) Преосвященнаго Θεодосія, Епископа Прилукскаго, „Раскольникій патріархъ въ Полтавѣ“ (3—16 стр.), интересная статья, повѣствующая о раскольникѣ „наставникѣ“ Θεодосѣевскаго толка—Семенѣ Кузьминѣ, проживавшемъ подъ надзоромъ въ Полтавскомъ Крестовоздвиженскомъ монастырѣ около 5¹/₂ лѣтъ, здѣсь 13 іюля 1859 г. умершемъ и похороненномъ; 2) большой рефератъ бывшаго директора Сорочинской учительской семинаріи, нынѣ директора народныхъ училищъ Волынской губерніи, Ѳ. Н. Николайчика—„Ильинская ярмарка въ періодъ ея существованія въ гор. Ромнахъ“ (17—105 стр.), дающей много цѣнныхъ данныхъ по исторіи города Ромень и его знаменитой ярмарки въ 18 и первой половинѣ 19 в.в. (до 1852 г., времени перенесенія ея въ Полтаву) и снабженный 15 №№ приложеній (107—177 стр.); 3) небольшая замѣтка А. Ф. Мальцева „По поводу двухъ документовъ конца 18 и начала 19 вѣк. о вознагражденіи духовенства за требосправленіе (179—184 стр.), отмѣчающая, между прочимъ, то обстоятельство, что теперешняя плата духовенству за требосправленіе мало измѣнилась по сравненію съ той, какая существовала около 100 лѣтъ тому назадъ, несмотря на сильно поднявшееся вздорожаніе предметовъ жизненной необходимости; 4) богатый статистическими данными очеркъ В. Л. Василевскаго изъ исторіи просвѣщенія мѣстнаго края—„Полтавская гимназія съ 1808 по 1831 годъ“ (стр. 185—272 стр.) и 5) нѣсколько замѣчаній А. Липеровскаго къ вопросу о томъ, „Гдѣ похоронены шведскіе воины послѣ битвы 27-го іюня 1709 года?“ (273—278 стр.).

Новый выпускъ, изданный трудами членовъ Полтавской архивной комиссіи, во-первыхъ, долженъ остановить на себѣ вниманіе всякаго полтавца, небезучастно относящагося къ историческому прошлому своего края, и, во-вторыхъ, является интереснымъ въ частности для представителей мѣстнаго духовенства, такъ какъ статьи Преосвященнаго Θεодосія и А. Ф. Мальцева имѣютъ ближайшее отношеніе къ сферѣ представленій и интересовъ именно духовнаго міра.

В.

Извѣстія и замѣтки.

*Помощь духовенства глухонѣмымъ.—
Отпазіе отъ православія.*

— *Помощь духовенства глухонѣмымъ.* Въ Россіи насчитывается около 160.000 глухонѣмыхъ, въ томъ числѣ лицъ школьнаго возраста не менѣе 40.000. Между тѣмъ въ Имперіи имѣется всего 60 школъ для глухонѣмыхъ, и число обучаемыхъ въ нихъ не превышаетъ 2.700, такъ что 37.000 глухонѣмыхъ лишены школьнаго образованія, въ которомъ они, однако, будучи обездолены судьбою, особенно нуждаются.

Попечительство Государыни Императрицы Маріи Θεодоровны о глухонѣмыхъ, учрежденное всего девять лѣтъ тому назадъ, развернуло очень широкую дѣятельность. До его учрежденія въ Россіи существовало всего 19 школъ, теперь, какъ мы сказали, ихъ насчитывается 60.

Къ поддержанію этого симпатичнаго учрежденія, между прочимъ, усердно привлекаются епархіальныя власти, и въ этомъ отношеніи, судя по отчетамъ Попечительства и новѣйшимъ газетнымъ извѣстіямъ, достигнуты утѣшительные результаты. Свято-Троицкая община близъ гор. Сычевки, Смоленской губерніи, устроила, по мысли священника Павла Троицкаго, школу для глухонѣмыхъ. Въ гор. Вязникахъ духовенствомъ, при содѣйствіи нынѣ умершаго учредителя Дедюхина, также основана школа для глухонѣмыхъ.

Въ селѣ Немдѣ, Костромской губерніи, благодаря стараніямъ священника, учреждена мѣстными благотворителями

школа для глухонѣмыхъ дѣтей. Въ Кіевской губерніи, въ Малиновскомъ приходѣ, учреждена школа священникомъ Яворскимъ. Въ гор. Харьковѣ основана протоіеремъ Бетуховымъ, при содѣйствіи Н. Г. Ващенко и другихъ благотворителей, школа на 60 глухонѣмыхъ.

Всѣ школы, учреждаемыя отдѣлами Попечительства или частными лицами въ провинціи, содержатся на мѣстныхъ средства, а Попечительство, съ своей стороны, работаетъ о томъ, чтобы преподаваніе находилось въ рукахъ опытныхъ и знающихъ учителей и учительницъ. На это направлено главное его вниманіе.

Благодаря созданнымъ Попечительствомъ курсамъ, преподаваніе стало общедоступнымъ, и издаваемые попечительствомъ учебники и руководства способствуютъ дальнѣйшему успѣху преподаванія. Кромѣ того Попечительствомъ устроена въ Петербургѣ амбулаторія для бесплатнаго пользованія лицъ, страдающихъ глухотою и вообще ушными болѣзнями.

Извѣстные спеціалисты по этимъ болѣзнямъ состоятъ членами совѣта Попечительства, и все новое въ наукѣ находятъ въ ихъ работахъ наилучшее практическое примѣненіе. Наконецъ „Вѣстникъ“ Попечительства сообщаетъ во всеобщее свѣдѣніе все, что можетъ представлять интересъ для лицъ сочувствующихъ его благимъ цѣлямъ.

Если духовенство и провинціальныя благотворители оказываютъ матеріальную поддержку Попечительству о глухонѣмыхъ, то, къ сожалѣнію, этого нельзя сказать о Петербургѣ и петербургской губерніи, довольно равнодушно относящихся къ Попечительству и отпускающихъ на его нужды всего 1.500 руб. въ годъ. Между тѣмъ Попечительство содержитъ въ Петербургской губерніи около 500 глухонѣмыхъ, воспитаніе и обученіе которыхъ ему обходятся, вслѣдствіе дороговизны жизненныхъ припасовъ, ежегодно въ 123.250 рублей.

Всѣ доходы Попечительства составляютъ не болѣе 100.000 рублей въ годъ, а расходы простираются до 130.000 р., т. е. бюджетъ попечительства представляетъ ежегодный дефицитъ въ 30.000 руб.

Если же принять во вниманіе исключительно тяжелыя условія, въ которыхъ находится страна въ теченіе трехъ

последнихъ лѣтъ и которыя не могли не отразиться самымъ печальнымъ образомъ на финансовыхъ дѣлахъ Попечительства, то для насъ станетъ совершенно яснымъ, какъ сильно оно пужается въ матеріальной поддержкѣ. Было бы крайне печально, если бы Попечительство, въ процвѣтаніи котораго заинтересована вся Россія, вынуждено было сократить плодотворную дѣятельность вслѣдствіе денежныхъ затрудненій.

— *Отпашіе отъ православія.* По новѣйшимъ газетнымъ извѣстіямъ, въ последнее время среди отпавшихъ отъ православія и принявшихъ католичество крестьянъ замѣчается охлажденіе къ своей религіи, несмотря на то, что католическое духовенство дѣлаетъ имъ всевозможныя льготы, отказываясь даже отъ платы за исполненіе требъ.

Находится много такихъ, которые вовсе не посѣщаютъ костеловъ и не исповѣдаются. Нерѣдко лица, перешедшія изъ православія въ католичество, высказываютъ сожалѣніе по поводу перемены прадѣдовской вѣры на чужую, имъ непонятную. Причина охлажденія къ католицизму крестьянъ, главнымъ образомъ, въ слѣдующемъ. Какъ извѣстно, большинство крестьянъ малорускаго племени, исключая, конечно, упорствовавшихъ по своей простотѣ, перешло въ католичество изъ православія безсознательно, не видя разницы въ ученіи одной и другой церкви, потому только что переходили другіе, или потому, что кто-то ходилъ по домамъ и говорилъ: „идите въ костелъ присягать на католическую вѣру, всѣ идуть, — такъ надо“. Думать долго не давали. И вотъ кончилось тѣмъ, что въ многихъ приходахъ почти совсѣмъ не осталось прихожанъ.

Скоро бывшимъ православнымъ, однако, пришлось убѣдиться, что католическое духовенство дѣлаетъ различіе между распятіемъ православнымъ и распятіемъ католическимъ; что оно свои иконы съ ликомъ Богоматери считаетъ святыми, а православныя, которымъ поклонялись отцы и дѣды отпавшихъ отъ православія, приказываетъ выбрасывать вонъ. Это сильно смутило новыхъ католиковъ и привело къ охлажденію къ латинской вѣрѣ. „Развѣ не одинъ Богъ, не одна Божія Матерь и у католиковъ, и у православныхъ!“ приходится теперь нерѣдко слышать.

Судя по словамъ нѣкоторыхъ отпавшихъ, они рады бы обратнo перейти въ православіе, но ихъ сдерживаетъ данная въ костелѣ присяга объ отреченіи отъ православія; кромѣ того, у нихъ не хватаетъ смѣлости подойти къ православному священнику, съ которымъ они порвали духовныя узы, связывавшія ихъ до указа 17 апрѣля 1905 года.

Въ гор. Замостьѣ, Люблинской губерніи, одинъ изъ православныхъ, принявшій католичество, мучимый совѣстью, никакъ не могъ перенести измѣны своей родной религіи, но подойти къ священнику и заявить объ этомъ не рѣшился и лишь посредствомъ другихъ заявилъ о своемъ желаніи присоединиться обратно, и тогда только сдѣлался вновь православнымъ.

Число лицъ, перешедшихъ изъ православія въ католичество, опредѣлить трудно, такъ какъ они по книгамъ народонаселенія числятся православными, ибо не заявили губернатору о своемъ желаніи присоединиться къ латинской вѣрѣ, какъ это требуется установленными правилами.

Склонность къ принятію католицизма обнаружена, главнымъ образомъ, среди тѣхъ православныхъ русинъ, которые утратили свой родной малорусскій языкъ и привыкли молиться въ церкви по польскимъ молитвенникамъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

✠ ИКОНОСТАСНАЯ МАСТЕРСКАЯ ✠

Стефана Θεодоровича

ЕРМАКОВСКАГО

въ г. Черкассахъ, Кіевской губерніи.

Принимаетъ заказы новыхъ иконостасовъ, кіотовъ, церковныхъ и домашнихъ, ремонтировку старыхъ иконостасовъ, покраску и роспись церквей живописью и фресковыми орнаментами.

Всевозможная живопись и чеканка, а также картины масляными красками разных сюжетов и малярныя домовыя работы.

Все вышепоименованное исполняю добросовѣстно, по умѣреннымъ цѣнамъ и выполняю въ срокъ.

Исполнялъ иконостасныя работы въ Полтавскомъ кафедральномъ соборѣ.

За доброкачественность моихъ работъ имѣю много аттестатовъ.

Фирма существуетъ съ 1879-го года.

Въ Полтавскомъ Епархіальномъ Складѣ

Св.-Макаріевскаго Братства

Мало-Петровская улица, новый Городской домъ

ИМѢЕТСЯ въ продажѣ въ большомъ выборѣ, хорошей изящной работы, разныхъ фабрикъ церковная утварь.

ПЛАЩАНИЦЫ большія и малыя, паникадила позолоченныя и посеребренныя, панихидныя и всеобщныя блюда, кресты и иконы запрестольныя, металлическія, хоругви металлическія и суконныя.

ПАРЧА для облачений и готовыя облаченія, священническія кресты, бархатъ для камилавокъ и **КНИГИ** Богослужебныя, творенія Святыхъ о.о.

ПРИНИМАЮТСЯ ЗАКАЗЫ

и старыя, мѣдныя, церковныя вещи въ уплату.

ЖЕРТВУЙТЕ НА ГОЛОДАЮЩИХЪ!

Красный Крестъ съ самаго начала продовольственной кампаніи принялъ широкое участіе въ борьбѣ съ голодомъ въ неурожайныхъ губерніяхъ и, независимо отъ поступающихъ въ его кассы пожертвованій, ассигновалъ уже около **3.000.000 рублей** изъ своихъ средствъ, причемъ 2.000.000 рублей взяты изъ запаснаго капитала на нужды военнаго времени. Дальнѣйшее отчисленіе изъ этого капитала, на проценты котораго содержатся многочисленныя

благотворительныя учрежденія Краснаго Креста: больницы, амбулаторіи, общины сестеръ милосердія и т. п., поставило бы эти учрежденія въ самое затруднительное положеніе. Между тѣмъ, содержаніе большого числа открытыхъ уже столовыхъ Краснаго Креста въ неурожайныхъ губерніяхъ обезпечено лишь на ближайшее время. Если не явятся обильныя пожертвованія, то дѣятельность Краснаго Креста неизбѣжно должна будетъ сократиться, а это **оставитъ безъ пищи тысячи дѣтей, стариковъ и женщинъ**, получающихъ въ столовыхъ Краснаго Креста свое дневное пропитаніе.

Во имя любви къ ближнему, состраданія къ бѣднымъ дѣтямъ и къ ихъ несчастнымъ матерямъ, **жертвуйте, кто сколько можетъ**, на поддержаніе этихъ учреждений, жертвуйте, хотя бы копѣйки, потому что **4—5 коп. стоитъ прокормъ въ день одного человѣка въ столовыхъ Краснаго Креста.**

Кассы Краснаго Креста открыты постоянно.

Кружки Краснаго Креста имѣются повсюду.

Сытые и счастливые, не забывайте голодныхъ и обездоленныхъ.

СОДЕРЖАНІЕ:—I. Въ память русскихъ воиновъ, умершихъ въ далекой Японіи.—II. О чемъ говорятъ наши реформы.—III. Погоня за миражами.—IV. Впечатлѣнія отъ городскихъ выборовъ съ участіемъ духовенства.—V. Засѣданіе Церковнаго Историко-археологическаго Комитета.—VI. Изъ пережитого (окончаніе).—VII. Некрологъ.—VIII. Библиографическая замѣтка.—IX. Извѣстія и замѣтки.—X. Объявленія.

Редакторы, преподаватели семинаріи | *В. Терлецкій.*
 | *В. Конопатовъ*

Печат. съ разр. мѣстн. дух. цензуры. 20 Марта 1907 г.

Полтава, Типогр. Тарговаго Дома И. Фришбергъ и С. Зороховичъ.